

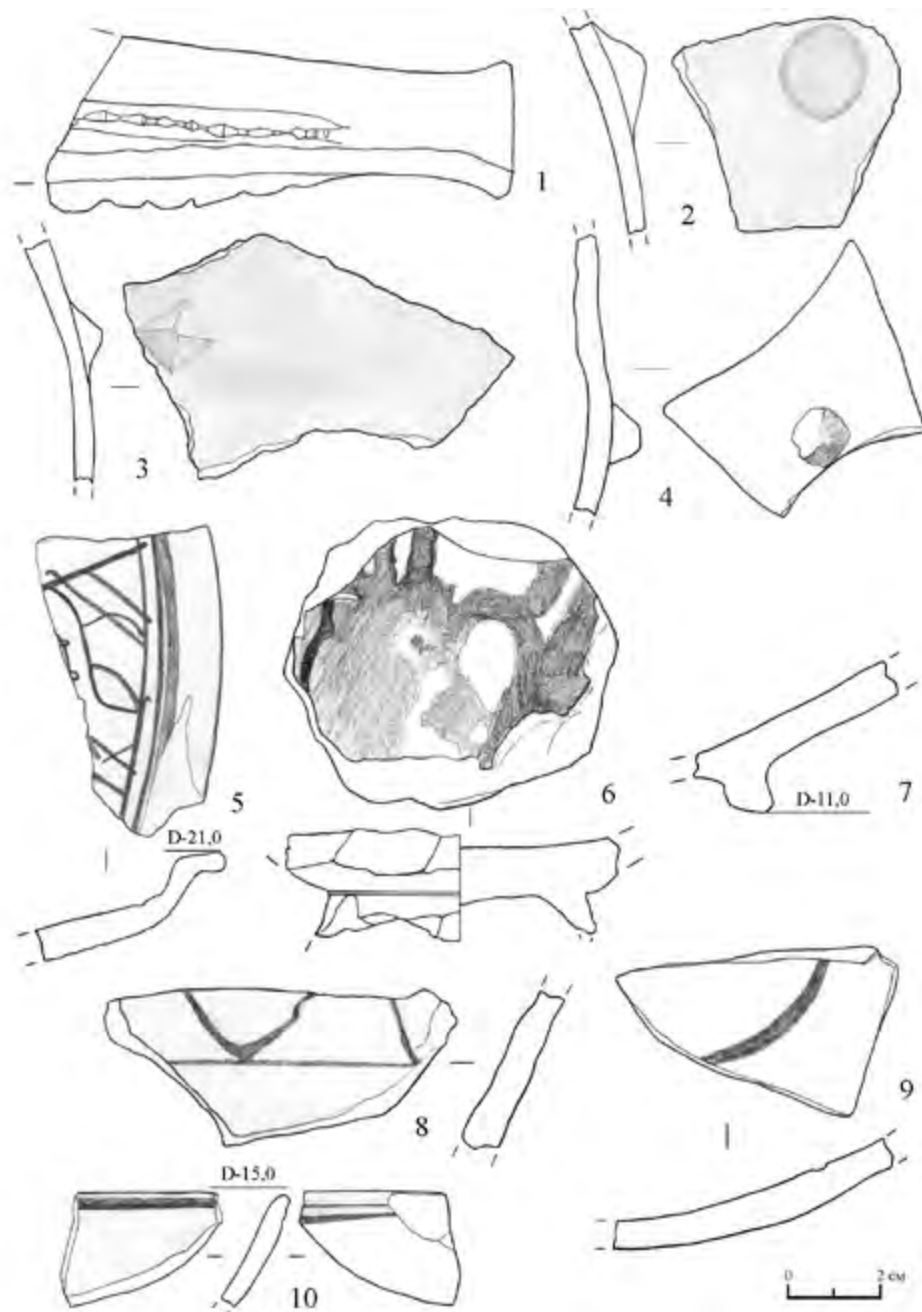

Рис. 14. Керамика из заполнения подвала 4, фрагменты: 1–4 – куманов; 5 – сосуда группы Сен Симеон; 6 – сосуда группы GWW IV; 7, 9 – сосудов Эгейской группы; 8 – сосуда группы «Late Sgraffito Ware»; 10 – сосуда группы Зевкисппа.

Л. А. ГОЛОФАСТ, А. В. МАСТЫКОВА

Институт археологии Российской академии наук (Москва, Россия)

О ПОЛИВНОЙ ЧАШЕ В КОНТЕКСТЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ХРАМОВОЙ ГРОБНИЦЫ В ГОРЗУВИТАХ

Аннотация: Впервые Гурзуф упоминается в середине VI в., когда Прокопий Кесарийский в своем трактате «О постройках», посвященном строительной деятельности императора Юстиниана, сообщает о сооружении в Юго-Западной Таврике двух крепостей – Горзувиты и Алустон. На поселении Горзувиты в 1951 г. А. Л. Якобсоном были выявлены руины одноапсидного храма, который перекрывался более поздней церковью. Нижний храм по керамическому материалу А. Л. Якобсон датировал VI–VII вв., возможно, отчасти VIII в., верхний – IX–X вв. Однако в 2017 г. при новых исследованиях этого памятника в нижнем храме была открыта коллективная гробница с поливной керамической чашей, лежавшей у верхнего погребенного. Эта находка дала возможность пересмотреть датировки храмовых построек, предложенные А. Л. Якобсоном. В статье дается подробная характеристика этой поливной чаши, ее атрибуция, датировка, выявлен круг аналогий, что позволило датировать ее серединой – третьей четвертью XIII в., в конце XIII в. импорт этой продукции в Крым прекращается. На основании полученных результатов делается вывод, что нижняя церковь функционировала еще в XIII в., а верхняя, перекрывавшая коллективную гробницу, была построена не ранее XIII в., а может быть еще позже, учитывая находку монеты золотоордынского хана Узбека у ее западной стены. Сочетание таких черт обряда верхнего погребения, как наличие сосуда открытого типа, а также двух вертикально поставленных камней, поддерживающих череп покойного, могут быть западноевропейскими по происхождению и в этом случае свидетельствуют о связях населения Крыма с греческими территориями, занятыми «латинянами» в XIII в.

Ключевые слова: Византия, Северное Причерноморье, поздневизантийский период, поливная керамика, храмовые постройки, погребальный обряд, франки.

В данной статье будут рассмотрены некоторые особенности погребального обряда в коллективной гробнице, открытой в средневековом храме в Горзувитах в 2017 г. Впервые упоминание о Горзувитах появляется в трактате Прокопия Кесарийского «О постройках», посвященном строительной деятельности императора Юстиниана,

где Прокопий рассказывает о сооружении в Юго-Западной Таврике по указанию императора двух крепостей – Горзувиты (Гурзуф) и Алустон (Алушта) [Procopius, *De Aedificiis*, III.VII.11]. Сохранившиеся руины средневековой генуэзской крепости на склонах горы Джаневез-Кая в юго-восточной приморской части Гурзуфа всегда привлекали внимание путешественников и ученых. Неудивительно, что именно здесь и локализовали крепость Юстиниана. Так, уже П. И. Кеппен «разместил» византийскую крепость Горзувиты именно на этой скале [19, с. 53–61, 175–177], и правильность такого расположения ни у кого не вызывала сомнений [6, с. 56–58; 32 и др.]. В 1956–1966 гг. на скале Джаневез-Кая были предприняты масштабные раскопки под руководством О. И. Домбровского в связи со строительством здесь новых корпусов международного пионерского лагеря «Артек» и гостиницы «Скальная» [15; 16]. О. И. Домбровский выделил три основных периода существования крепости: 1 – от юстиниановского времени до хазарского; 2 – от хазарского времени до постройки генуэзской крепости; 3 – генуэзский период до окончательного разрушения крепости в конце XV в. во времена турецкого владычества [16, с. 13].

Первым исследователем поселения Горзувиты стал известный византист А. Л. Якобсон, который и дал это название данному археологическому памятнику [43; 45, с. 109–120]. Ленинградский исследователь полагал, что наличие большого могильника Суук-Су VI–VII вв., расположенного по левую сторону от шоссе, идущего вдоль Артека к Аю-Дагу, а также факт постройки византийским императором в VI в. крепости свидетельствуют о существовании здесь крупного и стратегически важного поселения. По А. Л. Якобсону, именно благодаря строительству крепости «Горзувиты могли стать одним из опорных пунктов византийского господства на полуострове» [47, с. 23].

В 1951 году А. Л. Якобсон приступил к разведочным раскопкам поселения Горзувиты, которое до него археологически не изучалось. Участок, выбранный для полевых изысканий, расположен на южном склоне возвышенности Лысый Бугор («Хазары») между горой Аю-Даг и скалой Джаневез-Кая, а также между урочищами Бал-Гота и Суук-Су, где в конце XIX – начале XX в. были открыты известные могильники крымских готов [33–35]. Эта территория находится между пос. Гурзуф и пионерским лагерем «Артек» № 2¹, ниже Гурзуфского шоссе [43, с. 3]. На месте наибольшего всхолмления, образованного из слежавшегося древнего завала камней, был заложен раскоп 1, культурные напластования которого были датированы А. Л. Якобсоном следующим образом: верхний слой по большому количеству черепицы и керамическому материалу – IX–X вв., нижний слой менее насыщенный – VI–VII вв., возможно отчасти VIII в. На площади именно этого раскопа были открыты нижние части стен двух небольших храмов, из которых верхний, более поздний, был построен на развалинах нижнего, более раннего (рис. 1). Поскольку обе храмовые постройки стратиграфически связаны с выявленными культурными напластованиями

¹ Ныне лагерь «Лазурный». В настоящее время вся эта территория принадлежит Международному детскому Центру «Артек».

ями, то А. Л. Якобсон датировал храмы в соответствии с хронологией слоев [45, с. 110–112, рис. 49,1 и 50]. Однако в 2017 г. при новых исследованиях в нижнем храме была открыта коллективная гробница с поливной керамической чашей, позволившей пересмотреть датировки храмовых построек, предложенные А. Л. Якобсоном [24; 25; 13].

Привлекают внимание две черты погребального обряда, выявленные у самого верхнего захоронения в этой гробнице – наличие в могиле сосуда открытого типа, а также два вертикально поставленных камня у черепа покойного. Им и посвящена данная работа.

Обстоятельства находки

В 2017 г. в связи со строительством лагеря «Солнечный» (МДЦ «Артек») на территории, куда входил в том числе и участок, исследованный в свое время А. Л. Якобсоном, Институт археологии РАН приступил к археологическим исследованиям. Эта территория расположена на расстоянии приблизительно 200–250 м от берега моря между лагерями Артека – «Кипарисный»² (с юга-запада) и «Лазурный»³ (с северо-востока), сверху (с севера-запада) она ограничена ул. Ленинградской. Поскольку в отчете и в публикации А. Л. Якобсона отсутствуют топографический и ситуационный планы, а также и план взаиморасположения раскопов 1 и 2, то локализация раскопов 1951 г. проводилась с помощью архивных видовых фотографий и словесных описаний раскопочных мест [43, с. 3; 44, рис. 1, 6, 10]. В результате, на краю террасы с крутым склоном, обращенным на юг, было установлено месторасположение храмовой постройки (нижний раскоп 1), раскопанной А. Л. Якобсоном. На небольшой площадке были вновь открыты остатки стен двух церквей, из которых верхняя, более поздняя возведена на развалинах нижней, более ранней. Нижний храм представляет собой прямоугольное в плане здание с полукруглой апсидой, ориентированной на северо-восток; верхний храм повторяет форму более раннего. Обе церкви небольшие, размеры нижнего храма по наружному контуру составляют 8,0х4,72 м, размеры верхнего – 5,17х3,53 м. Толщина стен нижнего храма – 78 см, верхнего – 65 см. Хорошо сохранились лишь основания южной и западной стен обоих сооружений. Северная стена как верхней, так и нижней храмовых построек, а также апсидная часть сильно повреждены проложенной уже после 1951 г. траншеей подземных коммуникаций. Стены нижнего храма сложены из крупного неотесанного камня, вероятно, на глинистом растворе. Стены же верхнего храма представляют собой кладку, сложенную на известковом растворе из двух рядов не очень круп-

² Ранее лагерь назывался «Артек» № 3.

³ Ранее назывался «Артек» № 2. Именно от ограды этого лагеря и до скалы Джаневез-Кая А. Л. Якобсоном в ходе разведки были зафиксированы остатки древних построек с большим количеством фрагментов кровельной черепицы [45, с. 110].

ного камня с подтеской лицевой поверхности. Местами для выравнивания кладки использованы фрагменты черепицы.

В западной половине нижней постройки при исследовании земляного пола была открыта гробница, перекрытая четырьмя массивными плитами со следами обработки; у западного края с северной стороны была положена еще одна плита меньшего размера (рис. 2). Зазоры между плитами закрыты небольшими каменными плитками, камнями, крупной галькой, фрагментами кровельной черепицы (керамид) и плинфы (рис. 3). Плиты опирались на обкладку, которая была выложена по контуру гробницы и состояла из камней, блоков ракушечника, нескольких фрагментов керамид, в том числе с меткой, и плинфы; местами прослеживался известковый раствор. Гробница представляет собой грунтовую яму ладьевидной в плане формы, стенки которой внутри выложены пилеными блоками ракушечника на известковом растворе (рис. 4). При снятии перекрытия с гробницы на внутренней стороне одной из плит было обнаружено прочерченное изображение креста (рис. 5). Грунтовое заполнение между плитами и останками погребенных отсутствовало, на верхнем костяке лишь местами фиксировался просыпавшийся из щелей грунт. Гробница несомненно относится к нижнему, раннему, храму, поскольку она была обнаружена под западной стеной верхнего храма, перекрывавшей край могилы.

В гробнице было похоронено около 20 человек – мужчины, женщины, дети. Все захоронения, за исключением верхнего, были сдвинуты и перемешаны, анатомический порядок костяков нарушен. В целом погребальный инвентарь очень незначительный – два стеклянных браслета, несколько стеклянных и каменных бус, бронзовый бубенчик-пуговка, маленькие железные гвоздики, небольшие стеклянные фрагменты и мелкие обломки бронзовых предметов неясного назначения. Соотнесение этих предметов с каким-либо погребенным не представляется возможным.

Верхний погребенный – мужчина в возрасте 40–49 лет⁴ положен на спину в вытянутом положении, головой на запад (рис. 4). Череп – брахикранный, европеоидный, лицевая часть черепа ориентирована на восток. С двух сторон череп фиксировался двумя вертикально поставленными камнями. Руки согнуты в локтях, скрещены в области таза, кисть правой руки положена поверх левой. Ноги вытянуты, расположены параллельно друг другу. Длина тела около 170 см, костяк очень массивный. У северной стенки гробницы возле левой тазовой кости погребенного мужчины лежала вверх дном фрагментированная поливная чаша (рис. 6). Еще четыре ее фрагмента найдены вдоль северной стены гробницы, к востоку от нее (рис. 7)⁵. Здесь же, среди обломков чаши, ближе к левой бедренной кости обнаружен фрагмент красноглиняной керамиды, рядом с ним выявлена часть коричневоглиня-

ного небольшого кувшинчика, уходящего глубже и относящегося, скорее всего, к нижнему захоронению.

Описание и атрибуция чаши

Поливная чаша, найденная при верхнем погребенном, представляет особый интерес (рис. 8–9). Она имеет коническое тулово, небольшой вертикальный бортик и конический невысокий поддон. Нижняя поверхность поддона вогнутая, сегментовидная, с коническим выступом в центре, хорошо заглажена мокрой рукой. На изломе виден стык, образовавшийся в результате присоединения заготовки поддона к нижней поверхности тулова, а на нижней части тулова видны следы заглаживания стыка мокрой рукой. На нижней поверхности поддона – граффити в виде нерасшифровываемых символов, которые часто встречаются на поливной керамике (рис. 10–11). Единого мнения по поводу назначения подобных знаков нет: они могли быть меткой владельца, мастера, мастерской, а идентичные граффити, процарапанные на импортных, еще не бывших в употреблении сосудах различных групп и типов с места судакского кораблекрушения конца XIII в., позволили предположить, что граффити могли иметь какое-то значение, связанное с процессом распределения товара [17, с. 132, рис. 2,7; 14,7].

Внутренняя поверхность – со следами вытягивания глины, скорее всего пальцами, в виде углубленных бороздок, покрыта желтой с легким оливковым оттенком блестящей поливой, наложенной на слой плотного светлого ангоба (рис. 8–9). Внешняя сторона бортика также покрыта поливой, которая наложена на неаккуратно нанесенный слой плотного светлого ангоба; местами ангоб и полива выходят за пределы бортика (рис. 11–12). На внешней стороне тулова – подтеки поливы и ангоба (рис. 12). Глина красновато-желтая (5YR 6/8), с многочисленными мельчайшими частицами слюды и мелкими красновато-коричневыми включениями. На внешней поверхности тулова имеются следы пребывания в огне. Полива, местами с легкой пленкой иризации на поверхности и мелким цеком, в значительной степени отслоилась вместе с ангобом, а местами и верхним слоем глины⁶.

Примечательно отсутствие следов трипода на внутренней стороне дна сосуда, а также капель или хотя бы утолщения слоя поливы вдоль края венчика, где, как правило, она скапливалась во время обжига сосудов в перевернутом состоянии, когда их ставили штабелями, разделяя триподами. Возможно, это указывает на ее изготовление в небольшой мастерской, не нацеленной на большой объем выпускаемой продукции.

⁴ Половозрастное определение выполнено Марией Всеволодовной Добровольской (Институт археологии РАН, Москва). Биоархеологические исследования продолжаются.

⁵ Реставрация этой чаши была проведена Анастасией Сергеевной Макаровой (Государственный научно-исследовательский институт реставрации, Москва) [подробнее см.: 13, с. 65, 66].

⁶ Минералого-петрографические и электронно-микроскопические исследования керамической массы и поливы горзувитской чаши были проведены Раисой Викторовной Лобзовой (Государственный научно-исследовательский институт реставрации, Москва). Подробнее см. статью в этом издании.

Внутренняя сторона украшена простым орнаментом, выполненным толстой врезной линией: спираль на дне; врезная линия вдоль внутреннего края бортика; на верхней части тулова, под бортиком – четыре параллельные линии, поверх двух нижних прочерчена волна (рис. 8–9). Орнамента чаши аналогична декору сосудов класса I, а если учесть цвет покрывающей поливы, то класса IA группы Зевкsipпа («Zeuxippos Ware»; класс Ih по В. Франсуа [60, p. 91–96], названной так А. Х. С. Мигоу на основании керамического материала из бань Зевкsipпа в Константинополе [72, p. 68]. Здесь, при раскопках в 1927 году она была впервые выделена и подробно описана Тэлботом Райсом сначала под названием «Group C. Shiny Olive Incised Ware» [88, p. 34], потом – «Elaborate Incised» [89, fig. 5,14]. Превосходное качество этой посуды отличает ее от других групп не столь изысканной керамики этого времени. Для нее характерны бесцветная или слабо окрашенная блестящая плотная покрывающая глазурь, наложенная поверх белого ангоба и плотный тонкий черепок. Ее важной отличительной особенностью является обжиг при очень высокой температуре, в результате чего черепок приобретает пурпурный, темно-серый или даже черный цвет, особенно на венчике. А.Х.С. Мигоу выделил два класса керамики этой группы [72]. В частности, в класс I он включил монохромные сосуды, как правило, украшенные простейшим орнаментом в виде насечек, концентрических окружностей и спиралей, прочерченных толстой врезной линией и покрытых бесцветной (класс IA), желто-коричневой (класс IB) или зеленой поливой (класс IC). Сосуды класса II отличаются желтовато-коричневой подцветкой более сложного и разнообразного рисунка, включающего S-образные фигуры, овалы, треугольники, тонкие линии, одиночные или в группах, трилистники, грибоподобные деревья, прочерченные по ангобу тонким инструментом в сочетании с деталями, выполненными лопаткой [72, p. 68].

Химический анализ показал, что производилась она где-то в бассейне Эгейского моря [75, p. 263], возможно, на западе современной Турции [102, p. 109]. Посуда класса II, как показал NAA анализ, возможно, изготовлялась на Кипре и в каком-то неустановленном центре вне острова [53, p. 118]. Однако количество образцов, подвергшихся анализу, слишком невелико, чтобы делать какие-то окончательные выводы, и точное расположение центра или центров ее производства до сих пор остается предметом спора. А. Х. С. Мигоу датировал посуду группы Зевкsipпа последними десятилетиями XII и первыми двумя десятилетиями XIII в. [74, p. 266]. Однако в настоящее время бытование этой керамики относят ко времени с последних десятилетий/конца XII до середины XIII в. [91, p. 195–196; 74; 76, p. 22], до третьей четверти XIII в. включительно [61, p. 72] или в рамках XIII в. [90, p. 162; 91, p. 195–196; 52, p. 87], а иногда даже середины XIII – XIV в. [102, p. 109]. Ареал охватывает обширную территорию Средиземноморья и Причерноморья [95, p. 74, 75].

Популярность посуды группы Зевкsipпа спровоцировала производство похожей керамики, так называемых дериватов или имитаций, которые по отдельным признакам были схожи с настоящей Зевкsipповой посудой, но никогда не обладали

всей совокупностью ее характеристик и были худшего по сравнению с ней качества. При общей для всех изделий этой группы схожести с Зевкsipповой керамикой, они отличались друг от друга качеством глины, цветом поливы, орнаментикой, техникой обжига и т.д. Такое разнообразие объясняется наличием многочисленных мастерских, производивших керамику, в той или иной степени напоминающую посуду типа Зевкsipпа, и наводнивших ею местные и региональные рынки.

Эта группа, также впервые выделенная А. Х. С. Мигоу, известна в научной литературе под разными названиями: «Zeuxippos Family», «Imitation Zeuxippos», «Zeuxippos Ware Imitation», «Zeuxippos Influenced Ware», «Zeuxippos Derivatives», «Thick Zeuxippos Ware», «Orange-Brown Glazed Ware», «Regional Zeuxippos Derivative», «Glossy Ware», «Spirale cerchio Ware», «Zeuxippos Ware Subtypes» [50; 52, p. 87, 88; 62, p. 47, 48; 63, p. 201; 69, p. 252–254; 102, p. 111; 104, p. 106, n. 9]. Э. Штерн объединила все сосуды из раскопок в Акко, в Израиле (на берегу Средиземного моря примерно в 23 км севернее Хайфы), как истинной Зевкsipповой группы, так и ее производных в одну группу под названием «Turkey/Greece Glazed Ware», выделив в ней три подгруппы, из которых две – это настоящая Зевкsipпова керамика («Turkey/Greece Glazed Ware» 1 и 2) и одна («Turkey/Greece Glazed Ware» 3) объединяет посуду разного качества, произведенную под влиянием настоящей Зевкsipповой керамики в разных центрах [95, p. 72, 73]. Однако наиболее удачным представляется более общий термин, предложенный Г. Сандерсом «Late Sgraffito Ware» [92, p. 257].

Как правило, основным критерием причисления того или иного сосуда к группе Зевкsipповых дериватов является орнамента, схожая с орнаментикой сосудов истинной группы Зевкsipпа. В результате, в т.н. семью Зевкsipпа попали сосуды, украшенные простыми мотивами, главным образом концентрическими окружностями, волнистыми линиями, поясами насечек и т.д., которые входят в состав орнаментальных композиций, украшающих сосуды, в основном, класса I истинной Зевкsipповой группы, хотя и не столь аккуратно и изящно выполненные. Однако одним из авторов предлагаемой статьи уже высказывалось предположение, что простой орнамент на большей части таких сосудов не требовал специального копирования каких-либо образцов, и производившие такую керамику мастера могли и не видеть настоящей зевкsipповой керамики, т.е. не находились под ее непосредственным влиянием [14, с. 200]. Широкое распространение таких сосудов по всему Средиземноморско-Причерноморскому региону объясняется, по всей видимости, прежде всего, их дешевизной, т.к. их производство не требовало особых вкуса и навыков, как другая более сложная в производстве посуда, распространенная в то же время и на тех же территориях. Все это позволяет рассматривать такие сосуды как либо вообще не связанные с Зевкsipповой керамикой, либо связанные с ней лишь опосредованно. Аналогичной точки зрения придерживается и М. Л. фон Вартбург, которая также не исключает распространения моды на подобные сосуды. По ее мнению, «подгруппы Зевкsipповой керамики нужно рассматривать как серию керамической продукции, которая соответствовала широко распространенной моде, и про-

изводилась в различных центрах на протяжении длительного периода времени...» [100, р. 338]. Схожесть Зевксипповых дериватов по каким-то признакам, прежде всего, по орнаментике, с настоящей зевксипповой керамикой не является безусловным свидетельством прямого ее влияния [100]. Кроме того, следует учитывать, что мотив концентрических окружностей был весьма распространен и не только в рассматриваемое время, благодаря апотропеическому значению, которое ему придавали. Считалось, что концентрические окружности символизируют зеркало и способны отвращать Сатану [58, р. 117].

География распространения посуды, декорированной таким образом, очень широка. Как справедливо отмечают С. М. Зеленко, И. Б. Тесленко и С. Й. Ваксман, «керамика с незатейливым и простым в исполнении узором, вероятно, была предназначена для удовлетворения массового спроса и производилась в таких больших количествах, что сегодня довольно трудно отыскать в Восточном Средиземноморье и Причерноморье какой-либо более-менее крупный населенный пункт, а тем более город, существовавший в XIII – первой половине XIV в., в культурных слоях которого не была бы обнаружена подобная посуда». Они же приводят обширный список пунктов, где были найдены сосуды, орнаментированные подобным образом [17, с. 131, 132].

Производили такую посуду в многочисленных мастерских, и не только на территории Византийской империи: на западе современной Турции (например, в Константинополе и Никее [105, р. 128, 129], Пергаме [103, р. 209–218; 104, р. 111], районе Троады; на Кипре (Лемба, Пафос) [81, р. 4, 10, 11; 57, р. 81–84; 104, р. 105–133; 94, р. 54], Сирии и Палестине, в частности в Иерусалиме [92, р. 257], в государствах крестоносцев [86, р. 104], в Коринфе [92, р. 257], в бассейне Эгейского моря (в Спарте, на Хиосе и Паросе), в Северной Италии (в Венеции и Падуге) [99, р. 234, 235; 102, р. 109–111], в неизвестном центре второй половины XIII – первой половины XIV в., продукция которого составляет груз корабля (группа 1 или группа «Новый Свет»), потерпевшего крушение в районе Судака в конце XIII в. [17], Фессалониках [76, р. 220, №№ 255, 256], Серре [77, р. 57]. Время ее бытования определяют, как правило, в рамках второй половины XIII – XIV вв. [102, р. 111], хотя орнаментированную подобным образом посуду делали и в османское время на Балканах [86, р. 104; 101, р. 521, 522] и в Чембало во второй половине XIV – XV вв. [11, с. 507–509, рис. 2.6].

Таким образом, найденную в Горзувитах в храмовой гробнице чашу, строго говоря, можно отнести к широкому временному диапазону. Однако, судя по насыщенности глины горзувитской чаши частицами слюды, возможно, она относится к той дешевой массовой продукции, которая поступала в Крым в большом количестве в середине – третьей четверти XIII в., но уже к концу XIII в. ее импорт полностью прекращается [10, с. 136; 8, с. 26; 9, с. 27–29]. Для этой массовой керамики, как и для чаши из Горзувит, также характерна насыщенная слюдой глина, и представлена она, главным образом, чашами на кольцевом поддоне с бортиком разного профиля, украшенными, в основном, одиночными волнистыми и несколькими горизонтальными

линиями на бортике и на верхней части тулова и концентрическими окружностями (или спиралями) на дне. Причем в этот период (середина – конец XIII в.) эта посуда абсолютно преобладает среди поливной керамики, бытовавшей в Северном Причерноморье [8, с. 26; 9, с. 27–29]. Ее происхождение относят либо к Трапезундской империи [9, с. 29], либо к Константинополю [10, с. 136], хотя, на наш взгляд, этот вопрос пока следует оставить открытым.

Особенности погребального обряда

Особый интерес вызывает само присутствие в погребении открытого сосуда, что в сочетании с двумя вертикально поставленными камнями, поддерживающими череп, выбивается из византийского погребального обряда, который в целом был соблюден при устройстве рассматриваемого захоронения (рис. 13). Как известно, основные черты византийского погребального обряда сложились еще в ранневизантийский период (IV–VII вв.) и сохранялись на протяжении всей византийской истории, хотя и с некоторыми изменениями⁷. В IV–VII вв. постепенно стираются погребальные традиции язычества: погребения со временем перемещаются с традиционных кладбищ, расположенных вне городских стен (*extra muros*), внутрь города, что было связано с ростом популярности культа мучеников, мощи которых переносили из храмов, расположенных за пределами городских стен, в храмы внутри города, и желанием христиан быть похороненными рядом с ними, *ad sanctus* [66, р. 102, 103; 97, р. 368]⁸. В течение VI–IX вв. использование традиционных кладбищ во многих городах либо полностью прекращается, либо они уменьшаются в размерах⁹. Теперь кладбища устраивают, по большей части, внутри города (*intra muros*), главным образом, вокруг храмов, и Новеллу Льва VI «Мудрого» (конец IX или начало X вв.) [*Les Nouvelles...*, liii, р. 198–201], разрешившую погребения внутри города, следует рассматривать как акт, который признал практику, общепринятую уже в течение нескольких предшествующих столетий [66, р. 102].

⁷ При этом византийские и в целом средиземноморские погребальные памятники известны, прежде всего, по городским некрополям. Такое очевидное преобладание данных о городском погребальном обряде по отношению к имеющейся информации о сельских кладбищах необходимо учитывать для понимания темпов изменения погребальных практик и традиций.

⁸ Надо учитывать, что постепенно меняется и сам облик ранневизантийских городов – они систематически окружаются укреплениями, а в городской топографии церкви, особенно посвященные культу мучеников, а также епископские кварталы начинают играть организующую роль [93, р. 134, 135].

⁹ Тем не менее, как показывает пример некрополя Сирмия в Северном Иллирикуме, в V–VI вв. кладбища располагались как внутри города, так и вне городских стен [см. публикацию некрополя: 83, р. 39–92]. В Каллатисе, на западном побережье Черного моря в V–VI вв. городское кладбище было расположено *extra muros* [см. публикацию некрополя: 82].

Постепенно желание быть похороненным *ad sanctos* становится более выраженным. Появляются захоронения внутри храмов: сначала в нартексе или боковых нефх, а позже и в главном нефе. Сначала погребения внутри церкви удаивались только святые и представители духовенства¹⁰. В раннесредневековый период могилы прихожан появляются в районе порога церкви, а начиная с XII в. погребения прихожан продвигаются дальше внутрь храма [54, р. 72, 73], а их расположение в пределах здания зависело от статуса погребенного. Большая часть исторических и эпиграфических источников свидетельствует о том, что внутри храма, как правило, помимо представителей духовенства хоронили богатых донаторов с их семьями. Причем священников хоронили в алтаре или недалеко от него, тогда как прихожан – в нартексе или наосе [65]. Захоронения же большей части прихожан располагались на кладбищах вокруг храма.

Начиная с конца V и особенно с VI в., когда все более распространяется практика создания кладбищ внутри города, недостаток места приводит к многократному использованию одних и тех же могил¹¹, в которые добавляли новых умерших, укладывая их в вытянутом положении. При этом, чтобы освободить место для новых погребений, сдвигали в сторону более ранние.

В ранневизантийское время доминирующей становится поза погребенных на спине в вытянутом положении с руками, скрещенными на животе или тазе, и ориентация погребенного по линии восток-запад, головой на запад так, чтобы он оказался лицом к Христу во время второго пришествия [85, р. 379], хотя есть и другие объяснения подобной ориентации [96, р. 12].

Приблизительно после середины VII в. заметно сокращается количество погребального инвентаря, и так достаточно скромного в средиземноморской погребальной традиции поздней античности и раннего средневековья. В частности, в могилах становится меньше керамики, которая ограничивается почти исключительно кувшинами и лекифами. Они, вероятно, содержали вино, масло или воду, которые использовали для окропления тела незадолго до закрытия погребения [85, р. 381] или во время заупокойной службы в церкви [96, р. 8]. Из погребений исчезают глиняные светильники, которые, скорее всего, заменили простыми свечами, наличие которых

¹⁰ Однако на территории бывшей Западной Римской империи погребения светской знати появляются внутри храмов уже во второй половине V – начале VI в., как об этом свидетельствует, например, погребение знаменитого франкского короля Хлодвиг в церкви Апостолов Павла и Петра в Париже [78, р. 363–379] или многочисленные захоронения мервингской знати в церкви Сен-Дени под Парижем [из последних работ: 79, р. 173–183], а также целая серия явно светских, в том числе женских погребений с дорогими украшениями в базиликах вандальской Северной Африки, в частности в Хеншир Касбат / *Thuburbo Majus*, Аннабе / *Hippo Regius*, Карфагене, Константине [сводная таблица см.: 87, Abb. 44].

¹¹ Этот феномен был прослежен и в некрополе Херсонеса, *extra muros*, где обнаружены коллективные раннесредневековые захоронения, насчитывающие десятки, а то и сотни костяков [46, с. 250, 263].

в могилах выявить невозможно. Иногда роль светильников выполняли стеклянные сосуды [85, р. 388, 391, 393].

Уже в ранневизантийское время в могилах появляются христианские символы, обычно только в качестве изображения на стенах гробниц, склепов и т.д. [см., например: 21; 18, рис. 26, 27, 60, 63–65, 94, 169, 2]. В средневизантийский период (VII–XII вв.) христианская символика хорошо представлена как на закладных плитах, перекрывающих могилы, как, например, в горзувитской гробнице (рис. 5), так и на различных предметах, использовавшихся в ходе погребального ритуала [85, р. 377]. В погребениях появляются фрагменты керамики с процарапанными надписью «IC XC NIKA» («Иисус Христос – Ника») и изображением креста, помещенные около рта или руки погребенного. Подобные находки, редкие в погребениях средневизантийского периода, часто встречаются в поздневизантийское время (XIII – середина XV в.) [85, р. 377, 407, 413]. Зафиксированы они и в Крыму. Так, на городище Эски-Кермен на некрополе у храма «Трех всадников» в двух могилах поверх челюстей погребенных лежали фрагменты стенок пифоса или центрального поля черепиц с прочерченными тонкой линией крестом и монограммой «Иисус Христос – Ника» [4, с. 20]; черепица с прочерченными крестом и аналогичной монограммой также была обнаружена в костнице под апсидой часовни XIII в., открытой в квартале 1 на плато Эски-Кермена [3, с. 426, рис. 19, 9]. Небольшие фрагменты керамических сосудов с процарапанным крестом выявлены в каменном склепе и плитовых могилах XIII в. под черепом или под грудной клеткой костяков в могильнике у с. Лучистое [2; 41; 42]. Аналогичные находки известны также в с. Гончарное и на некрополе Судак-IX [23, рис. 188]. В могиле № 12, открытой в южной части храма XIV–XVI вв., расположенного на поляне северо-восточного склона горы Аю-Даг¹², нижняя часть черепицы погребенного мужчины была прикрыта крупным фрагментом стенки амфоры с дуговидными ручками XII–XIV вв., на внутренней стороне которого, обращенной к лицу покойного, имелась прочерченная монограмма «IC XC NIKA», вписанная между ветвями креста [39, с. 38, 86, 96, рис. 5, 9, 10, 80, 82–85; Цит. по: 37, с. 263; 38, с. 134, 135, рис. 4]. Обломок стенки амфоры с дуговидными ручками с граффито в виде креста и стенки пифоса с крестом и буквами I и X (вероятно, монограмма «IC XC NIKA») обнаружены в заполнении могилы № 14 на некрополе, расположенном в ансамбле с храмом на южной окраине с. Малый Маяк (бывш. Биюк-Ламбат) у юго-восточных отрогов горы Ай-Тодор [37, с. 266, рис. 13, 2, 3].

Такие предметы как серьги, кольца, браслеты, поясные пряжки, бусы, монеты с отверстием и гребни принадлежали повседневному костюму и попадали в могилы

¹² Согласно опубликованному А. В. Лысенко и И. Б. Тесленко каталогу археологических памятников Аю-Дага этот памятник имеет № 26 [22, с. 79, 80, рис. 2]. Вслед за Н. И. Репниковым [35, с. 102, рис. 4–5] авторы именно здесь локализируют поляну (урочище) Ай-Констант и в дальнейших своих публикациях упоминают этот памятник уже с этим топонимом [37, с. 263; 38, с. 132, 133; дискуссию о топониме см.: 7, с. 45, 46, рис. 11].

как часть погребальной одежды и могут быть интерпретированы как стремление представить умершего «в приличном виде» или же – в случае помещения в могилу особо дорогих и престижных предметов – как намерение продемонстрировать его высокий социальный статус. Византийские письменные источники свидетельствуют о том, что лицо и верхняя часть тела оставались открытыми до самого последнего момента, обеспечивая демонстрацию одежды и украшений умершего [85, р. 379]. Следует учитывать и тот факт, что многие из этих предметов изначально делали и носили с магической целью, как апотропеи, которые были чрезвычайно популярны среди христиан и регулярно встречаются в могилах, куда их помещали с целью защитить близкого человека и после его смерти [55].

Погребальный обряд поздневизантийского периода продолжает традиции предыдущих столетий, несмотря на политические и культурные турбулентности эпохи. Однако в XIII–XV вв. в византийском погребальном обряде появляется новая традиция – помещать в могилы открытые, а не закрытые, как в ранних могилах, сосуды. Их ставили на пол могилы рядом с погребенным, часто вверх дном [96, р. 42]; некоторые сосуды находят в разбитом виде – видимо, в конце погребальной церемонии их разбивали и только затем помещали в могилу [70, р. 260, 291, по. 21; 71, р. 10; 85, р. 413]. Часто такие сосуды отличаются высоким качеством и изысканной орнаментикой, т.е. их не делали специально для использования во время погребального обряда.

В Крыму подобные находки встречаются достаточно редко: помимо рассматриваемого горзувитского погребения с поливной чашей, еще известно лишь несколько. Во время раскопок эски-керменской трехнефной базилики у ее северной апсиды найдена могила, представлявшая собой продолговатую яму, в которой находился скелет ребенка 12–14 лет, лежащего в вытянутом положении на спине, головой на запад, с руками, сложенными крест-накрест на груди. Около правого бедра находилась перевернутая поливная тарелка XIII–XIV вв. с отбитыми краями [31, с. 46, 47].

В могиле 4, открытой у юго-западной стены, возле порога небольшого двухапсидного храма конца XIV – XV вв., расположенного в окрестностях крепости Фуна, находился один погребенный, у левого плеча которого стояла красноглиняная поливная чаша с отбитым краем. Монохромная (желтая полива по ангобу) чаша с рельефным моделированием корпуса при помощи коротких вертикальных вдавлений имела кольцевой поддон [5, с. 197, 201–203, рис. 8,2; 10, с. 122–160].

Чашка-пиала была найдена в могиле XIV в. в одном из небольших храмов Чембало во втором нефе, по мнению авторов раскопок, специально пристроенном «с целью совершения погребений членов отдельной семьи» [1, с. 9–11, 77–79]. Еще две чаши были найдены в погребениях, открытых в небольшой одноапсидной церкви св. Николая, которая функционировала в генуэзский период истории Чембало и некоторое время после захвата крепости турками, а также в однефном храме № 3 на этом же памятнике [12, с. 59].

В Херсонесе известно одно погребение с двумя небольшими поливными сосудами открытого типа, стоящими у ног одного из двух лежавших в могиле костяков (могила 1, пристроенная к южной стене часовни 1) [36, л. 23].

Поливные сосуды открытых форм XIII–XIV вв. были найдены в склепе, входившим в комплекс небольшого монастыря на мысе Виноградном [48, с. 77, рис. 7]. Камера склепа была заполнена костями (всего выявлено более сорока костяков). Хотя ни один сосуд невозможно связать с каким-либо конкретным захоронением (костяком), их находка в склепе свидетельствует о том, что, скорее всего, они были помещены туда вместе с умершими.

Поливная тарелка с отбитыми краями находилась в погребении № 6, перекрытом более поздней пристройкой к одноапсидному храму на горе Ай-Тодор на северной окраине с. Малый Маяк (бывш. Биюк-Ламбат) [28, с. 16; Цит. по: 37, с. 273, рис. 1,7; 30, с. 74, рис. 14,12]. Е.А. Паршина в целом датирует храм в рамках XII–XV вв. [29, с. 254–256].

Совсем другая картина наблюдается в районе Средиземноморья, где новая традиция зафиксирована на юге материковой Греции [51, р. 252; 68, р. 510], в частности в Коринфе [64; 96, р. 42], Фессалониках [98, р. 211; 49, р. 217, 220], на Крите [84, р. 318–320, fig. 9b; 56] и Кипре [80]. Дж. Томпсон отмечает наличие могил с поливными чашами открытой формы в Малой Азии и Константинополе [96, р. 42].

Выдвигают самые разные предположения о назначении подобных чаш. К. К. Когановичи и О. А. Махнева пишут, что присутствие сосудов в христианских плитовых могилах в Крыму – сугубо местный обычай, связанный с пережитками языческого культа [20, с. 119]. В. Л. Мыц объясняет появление в крымских могилах XIII–XIV вв. сосудов, не акцентируя внимания на их форме, «появлением в Таврике населения, для которого христианский погребальный обряд являлся только общепринятой формой, наполняемой содержанием с иными традициями» [26, с. 217]. Н. В. Гинькут аргументированно интерпретирует один из сосудов открытого типа, найденных в могилах Чембало, как евлогию, к которым она относит и чашки из херсонесского погребения [12]. Иногда исследователи без каких-либо оснований говорят о присутствии в таких сосудах заупокойной пищи. Чаше высказывается предположение, что в подобные чаши наливали вино, которое затем выливали на умершего, или в них накладывали «*kollyva*» (κόλλυβα, или жито)¹³.

Однако тот факт, что новая традиция прослеживается в византийских могилах после 1200 года и, в первую очередь, на территориях, захваченных «латинянами» («франками»)¹⁴, объясняет, по мнению ряда исследователей, появление поливных

¹³ *Kollyva* (у русских христиан – «кутья») – вареная пшеница с медом и/или сахаром, миндалем, зернами граната, изюмом, анисом и проч., которая до сих пор используется в православном богослужении. Православные христиане рассматривают *kollyva* как символ смерти и воскрешения [49, р. 217, 220].

¹⁴ Под латинянами и франками византийцы понимали западных европейцев – католиков. Как известно, «латиняне» захватили власть в европейской части Византийской империи в результате четвертого крестового похода в 1204 г.

сосудов открытых форм влиянием погребального обряда этих «латинян» [80, р. 56–60, 62, 68, 69, 71; 96, р. 42, 45–48]. Так, в Коринфе и Агиос Мамас поливные чаши отсутствуют в погребениях XI – XII вв., но имеются в подавляющем большинстве могил более позднего «латинского» времени [80, р. 55–61; 96, р. 195].

Дж. Томпсон относит истоки этого обычая к Франции, где в средневековых погребениях находят т.н. вазы «flamulé» или горшки, которые использовались в ходе погребального обряда для курения ладана (на раскаленные угли, находившиеся в таком горшке, брызгали или сыпали благовония) [96, р. 174]. Существует несколько предположений о целях этого действия, но в любом случае речь идет о способе избавления от неприятного запаха [59, р. 182; 96, р. 177]. Причем сосуды, использовавшиеся при погребении, имели домашнее происхождение, т.е. их не делали специально для погребального обряда, а брали из дома уже бывшие в употреблении и, как правило, поврежденные. Существовала глубокая вера в то, что эти сосуды нельзя возвращать домой после похорон, т.к. они более не были «чистыми», и поэтому их надо было разбить и оставить в могиле или рядом с ней [49, р. 218, 220]. Попавшие на Восток «франки» также использовали уже бывшую в употреблении домашнюю керамику, подгоняя французские традиции к тем условиям, в которых оказались. Они заменили вазы «flamulé» открытыми чашами, которые в то время еще не были известны во Франции, где появились только в XIV в. [59, р. 181, 182; 96, р. 177, 178]. Кстати, в Коринфе и Атлите открыты могилы, в которых найдены чаши с остатками пепла, что служит подтверждением их использования для курения благовоний [64, р. 120, 121; 96, р. 90].

Второй необычной деталью рассматриваемого погребения является наличие двух вертикально поставленных камней по обе стороны черепа погребенного (рис. 4; 13). По мнению ряда исследователей, этот обычай также был привнесен в Византию с европейского Запада в XIII в. Е. Айвисон приводит примеры соблюдения такого обычая в девяти городах Греции, в том числе в Коринфе и Фессалониках [71, р. 10], на Кипре [80, р. 62, 68; 91, р. 189–199; 96, р. 46, 48], Крите [56] и в Турции. Все приведенные им погребения датируются временем после 1204 года и располагаются на тех территориях Византийской империи, которые находились под контролем «франков» [65, р. 86]. В той же Немее подавляющее большинство «цефалических» погребений относятся к средне- и поздневизантийскому периодам, и факт нахождения Немей в это время под управлением «латинян» является хорошим аргументом в пользу западного влияния на погребальный обряд города [51, р. 235–239, 343–345].

В Крыму подобная особенность в погребальном обряде – «отгораживание» головы камнями – встречается крайне редко. Так, в могиле № 12, открытой в южной части одноапсидного храма XIV–XVI вв. на поляне «Ай-Констант» на г. Аю-Даг, был погребен мужчина 35–40 лет, лежавший на спине в вытянутом положении, головой на юго-юго-запад, руки покоились в области груди. Череп погребенного лицевой частью был обращен вверх и фиксировался с двух сторон каменными плитками, на нижней части черепа, как уже говорилось выше, лежал фрагмент стенки амфоры с

прочерченным крестом и монограммой «IC XC NIKA». Исследователи этого памятника интерпретировали данное погребение как захоронение священника [39, с. 38, 86, 96, рис. 5, 9–10, 80, 82–85; Цит. по: 37, с. 262, 263; 38, с. 135–137, рис. 4].

Известен еще похожий случай. В нижнем ярусе могилы № 1, расположенной к востоку от южной апсиды двухапсидного храма на холме Тузлух у с. Семидворье (Алушта), захоронен мужчина в вытянутом положении на спине, головой на запад, лицом на восток; левая рука вытянута вдоль тела, правая – согнута в локте, кисть расположена в области таза. Череп погребенного поддерживался только одним вертикально поставленным с южной стороны камнем [40, с. 104, рис. 2, 65, 66]. По мнению А. Е. Мусина, эту могилу можно считать монашеской, т.к. имеющийся у головы погребенного камень он относит к «возголовице» – к тем элементам обрядности, которые упоминаются в посвященной иноческому погребению главе Студийского типика конца XII в. («возголовице мало», помещавшееся под голову покойного) [27, с. 298]. А. Е. Мусин также приводит подобные примеры из погребальной археологии Древней Руси – наличие в могилах «возголовиц» в виде каменных подушечек. На основании этих параллелей, как считает исследователь, семидворское погребение при храме можно соотнести с монастырской традицией [27, с. 298]. На наш взгляд, в горзувитском погребении, как возможно и в семидворском, все-таки присутствует иной погребальный обряд, когда камни не подкладывались под голову усопшего, а ставились вертикально возле его головы. Также стоит заметить, что вывод, сделанный А. Е. Мусиным о монашеской атрибуции обряда вряд ли можно соотнести с нашим конкретным случаем, поскольку в горзувитской храмовой гробнице были захоронены мужчины, женщины и дети, что мало соответствует монашескому коллективу.

* * *

Итак, подведем итоги. Открытие гробницы в нижнем раннем храме и присутствующая в ней, у верхнего погребенного, керамическая поливная чаша дали возможность пересмотреть существующие прежде датировки церковей. Напомним, что А. Л. Якобсон относил нижний храм к VI–VII вв., возможно, отчасти к VIII в., и верхний – к IX–X вв. [45, с. 110–112]. Поиск аналогий горзувитской чаше и проведенный сравнительный анализ позволили определить время ее бытования серединой – третьей четвертью XIII в. Учитывая полученные результаты, можно утверждать, что нижняя церковь функционировала еще в XIII в., и вряд ли дата ее постройки может приходиться на VI–VII вв. и соответствовать времени юстиниановского строительства в стране готов. Верхняя церковь, перекрывавшая коллективную гробницу, была построена не ранее XIII в., а может быть и позже, о чем свидетельствует найденная в 1951 г. при расчистке ее западной стены монета золотоордынского хана Узбека (1313–1341 гг.) [45, с. 112].

В горзувитской храмовой гробнице присутствуют два элемента погребального обряда, выявленные у самого верхнего захоронения, – наличие в могиле сосуда открытого типа, а также два вертикально поставленных камня у черепа покойного (рис. 13).

Такие черты обряда считаются западноевропейскими по своему происхождению, что позволяет поставить их в один ряд со схожими погребениями, известными, например, в материковой Греции или на Кипре, в которых выявлено такое же сочетание элементов погребального обряда. Каким образом эти черты проникли в Крым, остается только гадать. Впрочем, следует отметить, что элементы западной погребальной традиции прослеживаются даже в местах, никогда не находившихся под властью «латинян» и распложенных в самом центре Византии. Например, начиная с XIII в. византийское духовенство перенимает распространенную на католическом Западе практику помещать в могилы служителей церкви глиняные кубки-потирсы [67].

Подчеркнем, что такое сочетание черт обряда больше не встречается в других захоронениях на некрополе Горзувит, в том числе и в тех, которые могли быть синхронными храмовой гробнице. К числу последних относится, например, гробница (погребение № 15), открытая в 2018 г. у западной стены храма и имеющая такую же конструкцию, как и коллективная могила внутри храма. Можно предложить в качестве рабочей гипотезы, что погребенный в верхнем слое храмовой гробницы и его окружение (те люди, которые его хоронили) могли иметь какие-то связи с территориями подвластными «латинянам», где подобные погребальные обычаи имели место. Нельзя исключать также возможность того, что сам погребенный из Горзувит прибыл в Крым с территории, попавшей под правление «латинян», обычаи которых переняли местные православные жители. Ответить сейчас на вопрос, кем был человек, чей прах был захоронен последним в гробнице, открытой в храме в Горзувитах, затруднительно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адаксина Н.А., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2007 году. СПб.; Симферополь, 2008. 216 с. (Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. VII).
2. Айбабин А.И. Раскопки могильника средневековой Фуны // АО 1977 г. М., 1978. С. 287–288.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Средневековый некрополь у храма «Трех всадников» на склоне плато Эски-Кермен // X Международный Византийский Семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» (Севастополь – Балаклава, 28 мая – 1 июня 2018 г.) / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь; Симферополь, 2018. С. 19–21.
5. Айбабина Е.А. Двухапсидный храм у крепости Фуна // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 194–205.
6. Бобринский А. Несколько слов о местности, прилегающей к развалинам замка в Гурзуфе // ИТУАК. 1894. Вып. 21. С. 56–58.
7. Бочаров С.Г. Описание средневековых храмов региона Алушты в архивных материалах П.И. Кеппена // «О древностях Южного берега и гор Таврических» (по материалам кон-

ференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев: Стило, 2004. С. 43–57.

8. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 20–37.
9. Бочаров С.Г., Масловский А.Н., Ситдилов А.Г. Столовая поливная керамика провинциальных византийских центров как хроноиндикатор для памятников Крыма, Причерноморья и Восточной Европы второй половины XIII – XIV вв. // Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации. Тезисы докладов. Севастополь, 2014. С. 27–29.
10. Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240–1260) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев, 2005. С. 122–160.
11. Гинькут Н.В. Византийские и восточные традиции в культуре генуэзской крепости Чембало (Крымский полуостров) по данным поливной керамики // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Proceedings of the International Symposium Ethnic contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea / Ed. V. Cojocaru. Iași, 2005. P. 495–512.
12. Гинькут Н.В. Чашка-евлогия XIV в. из раскопок храмового погребения на территории крепости Чембало // ХСб. 2011. Вып. XVI. С. 57–63.
13. Голофаст Л.А., Мастыкова А.В., Макарова А.С. Поливная чаша из средневекового храма в Горзувитах // X Международный Византийский Семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» (Севастополь – Балаклава, 28 мая – 1 июня 2018 г.) / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь; Симферополь, 2018. С. 61–68.
14. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182–260.
15. Домбровский О.И. Разведки и раскопки на Южном берегу и в горных районах Крыма // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968. Вып. II. С. 51–52.
16. Домбровский О.И. Средневековые поселения и «Исары» Крымского Югобережья // Феодалная Таврика / Отв. ред. С.Н. Бибилов. Киев: Наукова думка, 1974. С. 5–56.
17. Зеленко С.М., Тесленко И.Б., Ваксман С.И. Несколько групп поливной посуды с кораблекрушения конца XIII в. вблизи Судака (Крым) (Морфологическая типология и лабораторные исследования) // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття) / Ред. Я.І. Морозова. Київ, 2012. С. 129–148.
18. Зинько Е.А. Грунтовые склепы некрополя Пантикапея–Боспора (исследования 1996–2009 гг.). Симферополь; Керчь, 2017. 210 с. (Боспорские исследования. Suppl. 16).
19. Кеппен П.И. Крымский сборник. О древностях Южного берега и гор Таврических. СПб., 1837. 415 с.
20. Когонашвили К.К., Махнёва О.А. Средневековая Фуна // Феодалная Таврика / Отв. ред. С.Н. Бибилов. Киев: Наукова думка, 1974. С. 111–123.
21. Кулаковский Ю. Древности Южной России. Керченская христианская катакомба 491 года // Материалы по археологии России. СПб., 1891. № 6. С. 1–30.
22. Лысенко А.В., Тесленко И.Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней / Сост. В.Г. Рудницкая, И.Б. Тесленко. Киев: Стило, 2002. С. 59–88.

23. Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X – XII вв. Киев, 2014. 467 с.
24. Мастыкова А.В. Раскопки в 2017 г. храма в Горзувитах: первые результаты // Материалы научной конференции «Археология средневекового храма», посвященной 170-летию К.К. Косцюшко-Валюжинича / Ред. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Севастополь, 2017. С. 47–49.
25. Мастыкова А.В. О византийском храме в Горзувитах: раскопки 2017 г. // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Симферополь; Керчь, 2018. С. 292–298.
26. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.
27. Мусин А.Е. Литургические особенности храма // Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым) / Ред.-сост. И.Б. Тесленко, А.Е. Мусин. Киев: Антиквар, 2015. С. 271–304. (Археологический альманах. № 32).
28. Паршина Е.А. Отчет о раскопках на г. Ай-Тодор у с. Малый Маяк в 1969 г. Отчет об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 гг. Симферополь, 1969 // Архив Института археологии Крыма РАН. Инв. № 547. Папка 911.
29. Паршина О.О. Середньовічне укріплення на горі Ай-Тодор // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Киев, 1972.
30. Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика / Отв. ред. С.Н. Бибииков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 56–94.
31. Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 36–53.
32. Репников Н.И. Гурзуф и его ближайшие окрестности в историко-археологическом отношении // ИТУАК. 1904. № 36. С. 37–42.
33. Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. 1906. Вып. 19. С. 1–80.
34. Репников Н.И. Некоторые могильники области Крымских готов. Часть II // ЗООИД. 1907. Т. XXVII. С. 101–148.
35. Репников Н.И. Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году // ИАК. 1909. № 30. С. 99–126.
36. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках X «А» квартала в Северном районе Херсонеса в 1988 году // Архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Д. 2849.
37. Тесленко И.Б., Лысенко А.В. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // «О древностях Южного берега и гор Таврических» (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев: Стилос, 2004. С. 260–296.
38. Тесленко И.Б., Лысенко А.В. Погребение священника в одном из средневековых храмов горы Аю-Даг // Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского. 7–10 июля 2005 г., пос. Партенит / Отв. ред. Л. Ясельская. Симферополь, 2006. С. 132–144.
39. Тесленко И.Б., Семин С.В., Лысенко А.В. Отчет о раскопках христианского храма на северо-восточном склоне горы Аю-Даг (пгт. Партенит) и участка на западном склоне крепостной горки, за пределами оборонительных рубежей крепости Алустан (г. Алушта) в 1999 г. Симферополь, 1999. 128 с. // Архив Института археологии Крыма РАН. Инв. № 627. Папка 1027.
40. Тесленко И.Б. Стратиграфия и характеристика культурных отложений // Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым) / Ред.-сост. И.Б. Тесленко, А.Е. Мусин. Киев: Антиквар, 2015. С. 63–116. (Археологический альманах. № 32).
41. Хайрединова Э.А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 151–182.
42. Хайрединова Э.А. Кресты в захоронениях: особенности погребального обряда средневекового христианского населения Юго-Западного Крыма // Материалы научной конференции «Археология средневекового храма», посвященной 170-летию К.К. Косцюшко-Валюжинича / Ред.-сост. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Севастополь, 2017. С. 72–74.
43. Якобсон А.Л. Отчет об археологической разведке средневекового поселения и могильника Горзувит (бл. Гурзуфа) в 1951 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 654.
44. Якобсон А.Л. Раскопки средневекового поселения Горзувиты в 1951 г. Альбом иллюстраций // Архив ИА РАН. Р-1. № 655.
45. Якобсон А.Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. 1954. Вып. 53. С. 109–120.
46. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. 364 с.
47. Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168. 224 с.
48. Яшаева Т.Ю. Пещерный комплекс в округе Херсонеса // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред.-сост. Ю.М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1994. С. 71–81.
49. Antonaras A.C. Glass Vessels in Late Byzantine Grave in Thessaloniki. Offerings or Funerary Ritual Remains? // Giving Gifts to God: Evidences of Votive Offerings in the Sanctuaries, Temples and Churches / Ed. D. Gjorgjievski. Skopje, Kumanovo, 2018. P. 217–224.
50. Armstrong P. Zeuxippus Derivative Bowls from Sparta // Φιλολόκων: Laconian Studies in Honor of Hector Catling / Ed. J.M. Sanders. Oxford, 1992. P. 1–9.
51. Beatrice J.S. Community Health at Nemea, Greece: a Bioarchaeological Approach to the Impact of Sociopolitical Change in Byzantium. A Dissertation Submitted to Michigan State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Michigan, 2012. 403 p.
52. Berti G., Gelichi S. «Zeuxippus Ware» in Italy // Materials Analysis of Byzantine Pottery. Washington, 1997. P. 85–104.
53. Boas A. The Import of Western Ceramics to the Latin Kingdom of Jerusalem // Israel Exploration Journal. Jerusalem, 1994. Vol. 44. № 1–2. P. 102–122.
54. Binski P. Medieval Death: Ritual and Representation. London, 1996. 224 p.
55. Bollók Á. Apotropaion and Burial in Early Byzantium: Some Preliminary Considerations // Byzanz und das Abendland: Begegnungen zwischen Ost und West / Ed. E. Juhász. Budapest, 2013. P. 227–241.
56. Bourbou Ch. The Cemetery Excavation at the Middle Byzantine Cemetery of Zoodochos Pigi (Crete-Greece) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.doaks.org/research/support-for-research/project-grants/reports/2010-2011/bourbou> (дата обращения 18.05.2018).
57. Dikigoropoulos A.I., Megaw A.H.S. Early Glazed Pottery from Polis // RDAC (1940–48). 1948. P. 77–93.

58. Doğer L., Armağan M.E. Byzantine Glazed Pottery Finds from Aigai (Aiolis) Excavations // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдинов. Т. 2. Казань; Кишинев, 2017. P. 107–133.
59. Durand M. Archéologie du cimetière médiéval au sud-est de l'Oise du VIIème au XVIème siècle relations avec l'habitat et évolution des rites et des pratiques funéraires, paléodémographie // Revue archéologique de Picardie. 1988. No special 6. 275 p.
60. François V. La céramique Byzantine à Thasos. Athènes: École française d'Athènes, 1995. 383 p. (Études Thasiennes. Vol. 16.).
61. François V. La vaisselle de terre à Byzance. Catalogue des collections du Musée du Louvre. Paris, 2017. 456 p.
62. Hayes J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992. 455 p.
63. Hayes J.W. A Late Byzantine and Early Ottoman Assemblage from the Lower City in Troia // Studia Troica. 1995. Vol. 5. P. 197–210.
64. Ivison E.A. Death and Burial at Medieval Corinth (c. 960–1400) // Death and Burial. A Conference on Medieval Archaeology in Europe 21st–24th September 1992 at the University of York / Eds. T. Dickinson, E. James. York, 1992. P. 117–121.
65. Ivison E.A. Mortuary Practices in Byzantium (c. 950–1453): An Archaeological Contribution. Ph.D. dissertation. Centre for Byzantine and Modern Greek Studies, School of Antiquity, University of Birmingham. Birmingham, 1993.
66. Ivison E.A. Burial and Urbanism at Late Antique and Early Byzantine Corinth (c. AD 400–700) // Towns in Transition: Urban Evolution in Late Antiquity and the Early Middle Ages / Eds. N. Christie, S.T. Loseby. Aldershot, 1996. P. 99–125.
67. Ivison E.A. 'Supplied for the Journey to Heaven': a Moment of West-East Cultural Exchange: Ceramic Chalices from Byzantine Graves // Byzantine and Modern Greek Studies. 2000. Vol. 24. P. 147–193.
68. Kontogiannis N.D. Excavation of a 13th century Church near Vasilitsi, Southern Messenia // Hesperia. 2008. Vol. 77. P. 497–537.
69. Mackay T.S. More Byzantine and Frankish Pottery from Corinth // Hesperia. 1967. Vol. 36. P. 249–320.
70. Makropoulou D. Concerning the Late-Byzantine Cemetery of Vlatadon Monastery // Η Θεσσαλονίκη. 1985. Vol. 1. P. 255–309.
71. Makropoulou D. Grave Finds and Burial Practices in Thessaloniki (4th–15th cents.) // Proceedings of 21st International Congress of Byzantine Studies, London, 21–26 August 2006 / Ed. E. Jeffreys. London, 2006. P. 1–11.
72. Megaw A.H.S. Zeuxippus Ware // ABSA. 1968. Vol. 63. P. 67–88.
73. Megaw A. H. S. An Early Thirteenth Century Aegean Glazed War // Studies in Memory of David Talbot Rice / Eds. G. Robertson, G. Henderson. Edinburgh, 1975. P. 34–45.
74. Megaw A.H.S. Zeuxippus Ware Again // Recherches sur la céramique Byzantine / Éd. V. Déroche, J.-M. Spieser. Athènes, Paris, 1989. P. 259–266.
75. Megaw A.H.S., Jones R.E. Byzantine and Allied Pottery: a Contribution by Chemical Analysis to Problems of Origin and Distribution // ABSA. 1983. Vol. 78. P. 235–263.
76. Papanikola-Bakirtzi D. Thessaloniki Workshop Production Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito. Athens, 1999. 270 p.
77. Papanikola-Bakirtzis D., Maguire E.D., Maguire H. Ceramic Art from Byzantine Serres. Urbana, Chicago, 1992. 75 p.

78. Périn P. La tombe de Clovis // Media in Francia ...Recueil de mélanges offert à Karl Ferdinand Werner. Maulévrier: Hérault-Éditions, 1989. P. 363–379.
79. Périn P. Les tombes mérovingiennes de la basilique de saint-Denis // Glaube, Kult und Herrschaft / Hrsg. U. von Freedin, H. Friesinger, E. Wamers. Bonn, 2009. P. 173–183.
80. du Plat Taylor J. Medieval Graves in Cyprus // Ars Islamica. 1938. Vol. 5. P. 55–86.
81. du Plat Taylor J., Megaw A.H.S. Cypriot Medieval Glazed Pottery-Notes for a Preliminary Classification // RDAC. 1939. P. 1–13.
82. Preda C. Callatis Necropola romano-bizantină. București: Editura Academiei Republicii socialiste România, 1980. 226 p.
83. Popović I. Les nécropoles du Ve et VIe siècles // Sirmium à l'époque des Grandes Migrations / Eds. I. Popović, M. Kazanski, V. Ivanišević. Leuven, Paris, Bristol, 2017. P. 39–92.
84. Poulou-Papadimitriou N. Pottery of the Middle Byzantine Period and the First Centuries of the Venetian Occupation from Petras, Siteia // Petras, Siteia. 25 Years of Excavations and Studies. Acts of a Two-day Conference Held at the Danish Institute at Athens, 9–10 October 2010 / Ed. M. Tsipopoulou. Athens, 2012. P. 315–323. (Monographs of the Danish Institute at Athens. Vol. 16).
85. Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J. Burial Practices in Byzantine Greece: Archaeological Evidence and Methodological Problems for its Interpretation // Roma, Constantinople and Newly-Converted Europe / Eds. M. Salamon et al. Kraków, 2012. P. 377–428.
86. Pringle D. Thirteenth-century Pottery from the Monastery of St. Mary of Carmel // Levant. 1984. XVI. P. 91–111.
87. Quast D. Völkerwanderungszeitliche Frauengräber aus Hippo Regius (Annaba/Bône) in Algerien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 2005. Bd. 52. P. 237–315.
88. Rice D.T., Jones A.H.M., Casson S. Preliminary Report upon the Excavations Carried out in and Near the Hippodrome of Constantinople in 1927 on Behalf of the British Academy. London, 1928. 54 p.
89. Rice D.T. Byzantine Glazed Pottery. Oxford, 1930. 120 p.
90. Sanders G.D.R. An Assemblage of Frankish Pottery at Corinth // Hesperia. 1988. Vol. 57. P. 159–195.
91. Sanders G. Three Peloponnesian Churches and their Importance for the Chronology of the Late 13th and Early 14th Century Pottery in the Eastern Mediterranean // Recherches sur la céramique Byzantine. Actes du colloque organisé par l'Ecole Française d'Athènes. Athens, 1989. P. 189–199.
92. Sanders G.D.R. Excavations at Sparta: The Roman Stoa, 1988–1991. Preliminary Report, Part 2. C. Medieval Pottery // ABSA. 1993. Vol. 88. P. 251–286.
93. Sodini J.-P. Les prolongements de l'urbanisme hellénistico-roman // Le grand atlas de l'archéologie. Paris: Encyclopaedia Universalis, 1985. P. 134–135.
94. Stern E.J. Excavation of the Courthouse Site at 'Akko: The Pottery of the Crusader and Ottoman Periods // 'Atiqot. 1997. XXXI. P. 35–70.
95. Stern E.J. 'Acco I. The 1991–1998 Excavations. The Crusader-Period Pottery. 2 vol. Jerusalem, 2012. 181 p. (IAA Reports 51).
96. Thompson J.A. Death and Burial in the Latin East. A Study of the Crusader Cemetery at 'Atlit, Israel. PhD Thesis, Cardiff University. Cardiff, 2006. 409 p.
97. Tzavella E. Burial and Urbanism in Athens (IVth–IXth c. AD.) // Journal of Roman Archaeology. 2008. Vol. 21. P. 352–368.

98. Vavyloupoulou-Charitonidou A. Céramique d'offrande trouvée dans des tombes Byzantines tardives de l'hippodrome de Thessalonique // *Recherches sur la céramique Byzantine* / Éd. V. Déroche, J.-M. Spieser. Athènes, Paris, 1989. P. 207–226.
99. Vionis A.K. A Crusader, Ottoman and Early Modern Aegean Archaeology: Built Environment and Domestic Material Culture in the Medieval and Post-Medieval Cyclades, Greece (13th–20th Century AD). Leiden, 2012. 423 p.
100. Von Wartburg M.-L. Lemba Ware Reconsidered // *RDAC*. 1997. P. 323–340.
101. Vroom J. Medieval and Post Medieval Pottery from a Site in Boeotia: a Case Study Example of Post-Classical Archaeology in Greece // *ABSA*. 1998. Vol. 93. P. 513–546.
102. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide. Utrecht, 2005. 223 p.
103. Waksman S.Y., Rossini I., Heitz C. Byzantine Pergamon: Characterization of the Ceramics Production Centre // *Archeometry 94, the Proceedings of the 29th International Symposium on Archaeometry* / Eds. S. Demirci, A.M. Özer, G.D. Summers. Ankara, 1996. P. 209–218.
104. Waksman S.Y., Spieser J.-M. Byzantine Ceramics Excavated in Pergamon: Archaeological Classification and Characterization of the Local and Imported Productions by PIXE and INAA Elemental Analysis, Mineralogy and Petrography // *Materials Analysis of Byzantine Pottery* / Ed. H. Maguire. Washington, 1997. P. 105–133.
105. Waksman S.Y., Francois V. Vers une redefinition typologique et analytique des ceramiques byzantines du type Zeuxippus Ware // *BCH*. 2004–2005. P. 87–182.

REFERENCES

1. Adaksina N.A., Myts V.L. *Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2007 godu*. St-Petersburg, Simferopol, 2008, 216 p. (Materialy Juzhno-Krymskoj arheologicheskoy ekspeditsii. Vol. VII).
2. Ajbabin A.I. Raskopki mogil'nika srednevekovoj Funy. *Arheologicheskie otkrytiya 1977 goda*, Moscow, 1978, pp. 287–288.
3. Ajbabin A.I., Khajredinova E.A. Pozdnesrednevekovaja chasovnja na plato Eski-Kermen. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2011, Vol. XVII, pp. 422–457.
4. Ajbabin A.I., Khajredinova E.A. Srednevekovyj nekropol' u khrama "Trekhsadnikov" na sklone plato Eski-Kermen. *X mezhdunarodnyj vizantijskij seminar «XEPΣΩNOΣ ΘEMATA: imperiya i polis»*, Sevastopol, Simferopol, 2018, pp. 19–21.
5. Ajbabina E.A. Dvukhapsidnyj khram u kreposti Funa. *Vizantijskaja Tavrika*, Kiev, 1991, pp. 194–205.
6. Bobrinskij A. Neskol'ko slov o mestnosti, priliegajushhej k razvalinam zamka v Gurzuf. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1894, Vol. 21, pp. 56–58.
7. Bocharov S.G. Opisanie srednevekovykh khramov regiona Alushty v arkhivnykh materialakh P.I. Keppena. *"O drevnostjakh Juzhnogo berega i gor Tavricheskikh" (po materialam konferencii v chest' 210-letija so dnja rozhdenija Petra Ivanovicha Keppena)*, Kiev, Stilos Publ., 2004, pp. 43–57.
8. Bocharov S.G., Maslovskij A.N. Vizantijskaja polivnaja keramika v gorodah Severnogo Prichernomor'ja zolotoordynskogo perioda (vtoraja polovina XIII – konec XIV vv.). *Povolzhskaja arheologija*, 2012, No 1, pp. 20–37.

9. Bocharov S.G., Maslovskij A.N., Sitdikov A.G. Stolovaja polivnaja keramika provincial'nykh vizantijskikh centrov kak hronoindikator dlja pamjatnikov Kryma, Prichernomor'ja i Vostochnoj Evropy vtoroj poloviny XIII–XIV vv. *Polivnaja keramika Prichernomor'ja – Sredizemnomor'ja kak istochnik po izucheniju vizantijskoj civilizacii*, Sevastopol, 2014, pp. 27–29.
10. Volkov I.V. Polivnaja keramika kompleksa Kabardi (1240–1260). Bocharov S.G., Myts V.L. (Eds.), *Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII vv.*, Kiev, 2005, pp. 122–160.
11. Gin'kut N.V. Vizantijskie i vostochnye tradicii v kul'ture genujezskoj kreposti Chembalo (Krymskij poluostrov) po dannym polivnoj keramiki. V. Cojocar (Ed.), *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Proceedings of the International Symposium Ethnic contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea*, Iași, 2005, pp. 495–512.
12. Gin'kut N.V. Chashka-evlogija XIV v. iz raskopok hramovogo pogrebenija na territorii kreposti Chembalo. *Khersonesskij sbornik*, Sevastopol, 2011, Vol. XVI, pp. 57–63.
13. Golofast L.A., Mastykova A.V., Makarova A.S. Polivnaja chasha iz srednevekovogo hrama v Gorzuvitah. *X mezhdunarodnyj vizantijskij seminar «XEPΣΩNOΣ ΘEMATA: imperiya i polis»*, Sevastopol, Simferopol, 2018, pp. 61–68.
14. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Raskopki kvartala X v severnom rajone Hersonesa. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 182–260.
15. Dombrovskij O.I. Razvedki i raskopki na Juzhnom beregu i v gornyh rajonah Kryma. *Arheologicheskie issledovanija na Ukraine v 1967 g.*, Kiev, 1968, Vol. II, pp. 51–52.
16. Dombrovskij O.I. Srednevekovye poselenija i "Isary" Krymskogo Juzhnoberezh'ja. S.N. Bibikov (Ed.), *Feodal'naja Tavrika*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 5–56.
17. Zelenko S.M., Teslenko I.B., Vaksman S.J. Neskol'ko grupp polivnoj posudy s korablenkrushenija konca XIII v. vblizi Sudaka (Krym) (Morfologicheskaja tipologija i laboratornye issledovanija). Ja.I. Morozova (Ed.), *1000 rokov vizantijs'koi torgivli (V–XV stolittja)*, Kiev, 2012, pp. 129–148.
18. Zin'ko E.A. *Gruntovye sklepy nekropolja Pantikapeja–Bospora (issledovanija 1996–2009 gg.)*. Simferopol, Kerch, 2017, 210 p. (Bosporskije issledovanija. Suppl. 16).
19. Keppen P.I. *Krymskij sbornik. O drevnostjakh Juzhnogo berega i gor Tavricheskikh*. St-Petersburg, 1837, 415 p.
20. Kogonashvili K.K., Mahnjova O.A. Srednevekovaja Funa. S.N. Bibikov (Ed.), *Feodal'naja Tavrika*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 111–123.
21. Kulakovskij Ju. Drevnosti Juzhnoj Rossii. Kerchenskaja hristianskaja katakomba 491 goda. *Materialy po arheologii Rossii*, St-Petersburg, 1891, Vol. 6, pp. 1–30.
22. Lysenko A.V., Teslenko I.B. Antichnye i srednevekovye pamjatniki gory Aju-Dag. V.G. Rudnickaja, I.B. Teslenko (Eds.), *Alushta i Alushtinskij region s drevnejshih vremen do nashih dnei*, Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 59–88.
23. Majko V.V. *Vostochnyj Krym vo vtoroj polovine X–XII vv.*, Kiev, 2014, 467 p.
24. Mastykova A.V. Raskopki v 2017 g. hrama v Gorzuvitah: pervye rezul'taty. *Materialy nauchnoj konferencii «Arheologija srednevekovogo hrama», posvjashhennoj 170-letiju K.K. Koscjushko-Valjuzhinicha*, Sevastopol, 2017, pp. 47–49.
25. Mastykova A.V. O vizantijskom hrame v Gorzuvitah: raskopki 2017 g. *XIX Bosporskije chtenija. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Tradicii i innovacii*, Simferopol, Kerch, 2018, pp. 292–298.

26. Myts V.L. *Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty*. Simferopol, Universum Publ., 2009, 528 p.
27. Musin A.E. Liturgicheskie osobennosti hrama. I.B. Teslenko, A.E. Musin (Eds.), *Drevnosti Semidvor'ja I. Srednevekovyj dvuhapsidnyj hram v urochishhe Edi-Evler (Alushta, Krym)*, Kiev, Antikvar Publ., 2015, pp. 271-304. (Arheologicheskij al'manah. Vol. 32).
28. Parshina E.A. Otchet o raskopkah na g. Aj-Todor u s. Malyj Majak v 1969 g. *Arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAN*, Inv. 547, Papka 911.
29. Parshina O.O. Seredn'ovichne ukriplenija na gori Aj-Todor. *Arheologichni doslidzhennja na Ukraini v 1969 r.*, Kiev, 1972.
30. Parshina E.A. Srednekovaja keramika Juzhnoj Tavriki (po materialam raskopok i razvedok 1965–1969 gg.). S.N. Bibikov (Ed.), *Feodal'naja Tavrika*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 56–94.
31. Parshina E.A. Eski-Kermenskaja bazilika. *Arhitekturno-arheologicheskie issledovanija v Krymu*, Kiev, 1988, pp. 36–53.
32. Repnikov N.I. Gurzuf i ego blizhajshie okrestnosti v istoriko-arheologicheskom otnoshenii. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1904, Vol. 36, pp. 37–42.
33. Repnikov N.I. Nekotorye mogil'niki oblasti krymskih gotov. *Izvestiya Arkheologicheskoy komissii*, Moscow, 1906, Vol. 19, pp. 1–80.
34. Repnikov N.I. Nekotorye mogil'niki oblasti Krymskih gotov. Part II. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej*, Odessa, 1907, T. XXVII, pp. 101–148.
35. Repnikov N.I. Razvedki i raskopki na Juzhnom beregu Kryma i v Bajdarskoj doline v 1907 godu. *Izvestiya Arkheologicheskoy komissii*, Moscow, 1909, Vol. 30, pp. 99–126.
36. Ryzhov S.G. Otchet o raskopkah X «A» kvartala v Severnom rajone Hersonesa v 1988 godu. *Arkhiv Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika "Khersones Tavricheskij"*, D. 2849.
37. Teslenko I.B., Lysenko A.V. Srednevekovyj hristianskij hram na juzhnoj okraine s. Malyj Majak i ego arheologicheskoe okruzhenie. *"O drevnostjah Juzhnogo berega i gor Tavricheskikh" (po materialam konferencii v chest' 210-letija so dnja rozhdenija Petra Ivanovicha Keppena)*, Kiev, Stilos Publ., 2004, pp. 260–296.
38. Teslenko I.B., Lysenko A.V. Pogrebenie svjashhennika v odnom iz srednevekovyh hramov gory Aju-Dag. *Materialy Mezhdunarodnoj cerkovno-istoricheskoy konferencii "Duhovnoe nasledie Kryma" pamjati prepodobnogo Ioanna, episkopa Gotfskogo*, Simferopol, 2006, pp. 132–144.
39. Teslenko I.B., Semin S.V., Lysenko A.V. Otchet o raskopkah hristianskogo hrama na severo-vostochnom sklone gory Aju-Dag (pgt. Partenit) i uchastka na zapadnom sklone krepostnoj gorki, za predelami oboronitel'nyh rubezhej kreposti Aluston (g. Alushta) v 1999 g. Simferopol', 1999. *Arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAN*, Inv. 627, Papka 1027.
40. Teslenko I.B. Stratigrafija i harakteristika kul'turnyh otlozhenij. I.B. Teslenko, A.E. Musin (Eds.), *Drevnosti Semidvor'ja I. Srednevekovyj dvuhapsidnyj hram v urochishhe Edi-Evler (Alushta, Krym)*, Kiev, Antikvar Publ., 2015, pp. 63-116. (Arheologicheskij al'manah. Vol. 32).
41. Khajredinova E.A. Rannesrednekovye kresty iz Jugo-Zapadnogo Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, Vol. XIII, pp. 151–182.
42. Khajredinova E.A. Kresty v zahoronenijah: osobennosti pogrebal'nogo obrjada srednekovogo hristianskogo naselenija Jugo-Zapadnogo Kryma. *Materialy nauchnoj konferencii «Arheologija*

- srednekovogo hrama», posvjashhennoj 170-letiju K.K. Koscjushko-Valjuzhinicha*, Sevastopol, 2017, pp. 72–74.
43. Jakobson A.L. Otchet ob arheologicheskoy razvedke srednekovogo poselenija i mogil'nika Gorzuvit (bl. Gurzufa) v 1951 g. *Arkhiv Instituta arkheologii RAN*, R–1, No 654.
44. Jakobson A.L. Raskopki srednekovogo poselenija Gorzuvity v 1951 g. Al'bom illjustracij. *Arkhiv Instituta arkheologii RAN*, R–1, No 655.
45. Jakobson A.L. Razvedochnye raskopki srednekovogo poselenija Gorzuvity. *Kratkie soobshchenija Instituta istorii material'noj kul'tury AN SSSR*, 1954, Vol. 53, pp. 109–120.
46. Jakobson A.L. Rannesrednekovyj Hersones. *Materialy i issledovanija po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, 1959, No 63, 364 p.
47. Jakobson A.L. Rannesrednekovye sel'skie poselenija Jugo-Zapadnoj Tavriki. *Materialy i issledovanija po arkheologii SSSR*, Moscow, 1970, No 168, 224 s.
48. Jashaeva T.Ju. Peshhernyj kompleks v okruge Hersonesa. Ju.M. Mogarichev (Ed.), *Problemy istorii i arkheologii Kryma*, Simferopol, Tavrija Publ., 1994, pp. 71–81.
49. Antonaras A.C. Glass Vessels in Late Byzantine Grave in Thessaloniki. Offerings or Funerary Ritual Remains? D. Gjorgievski (Ed.), *Giving Gifts to God: Evidences of Votive Offerings in the Sanctuaries, Temples and Churches, Skopje*, Kumanovo, 2018, pp. 217–224.
50. Armstrong P. Zeuxippus Derivative Bowls from Sparta. J.M. Sanders (Ed.), *Φιλολόκων: Laconian Studies in Honor of Hector Catling*, Oxford, 1992, pp. 1–9.
51. Beatrice J.S. *Community Health at Nemea, Greece: a Bioarchaeological Approach to the Impact of Sociopolitical Change in Byzantium*. Dissertation Submitted to Michigan State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Michigan, 2012, 403 p.
52. Berti G., Gelichi S. «Zeuxippus Ware» in Italy. *Materials Analysis of Byzantine Pottery*, Washington, 1997, pp. 85–104.
53. Boas A. The Import of Western Ceramics to the Latin Kingdom of Jerusalem. *Israel Exploration Journal*, Jerusalem, 1994, Vol. 44, Issue 1–2, pp. 102–122.
54. Binski P. *Medieval Death: Ritual and Representation*. London, 1996, 224 p.
55. Bollók Á. Apotropaion and Burial in Early Byzantium: Some Preliminary Considerations. E. Juhász (Ed.), *Byzanz und das Abendland: Begegnungen zwischen Ost und West*, Budapest, 2013, pp. 227–241.
56. Bourbou Ch. The Cemetery Excavation at the Middle Byzantine Cemetery of Zoodochos Pigi (Crete-Greece). URL: <https://www.doaks.org/research/support-for-research/project-grants/reports/2010-2011/bourbou> (accessed: 18.05.2018).
57. Dikigoropoulos A.I., Megaw A.H.S. Early Glazed Pottery from Polis. *Report of the Department of Antiquities, Cyprus (1940–1948)*, 1948, pp. 77–93.
58. Doğer L., Armağan M.E. Byzantine Glazed Pottery Finds from Aigai (Aiolis) Excavations. S.G. Bocharov, V. Fransua, A.G. Sitdikov (Eds.), *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII vv.*, T. 2, Kazan', Kishinev, 2017, pp. 107–133.
59. Durand M. Archéologie du cimetière médiéval au sud-est de l'Oise du VIIème au XVIème siècle relations avec l'habitat et évolution des rites et des pratiques funéraires, paléodémographie. *Revue archéologique de Picardie*, 1988, No. special 6, 275 p.
60. François V. *La céramique Byzantine à Thasos*. Athènes, École française d'Athènes Publ., 1995, 383 p. (Études Thasiennes. Vol. 16).

61. François V. *La vaisselle de terre à Byzance*. Catalogue des collections du Musée du Louvre. Paris, 2017, 456 p.
62. Hayes J.W. *Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery*. Princeton, 1992, 455 p.
63. Hayes J.W. A Late Byzantine and Early Ottoman Assemblage from the Lower City in Troia. *Studia Troica*, 1995, Vol. 5, pp. 197–210.
64. Ivison E.A. Death and Burial at Medieval Corinth (c. 960–1400) // T. Dickinson, E. James (Eds.), *Death and Burial. A Conference on Medieval Archaeology in Europe 21st–24th September 1992 at the University of York, York*, 1992, pp. 117–121.
65. Ivison E.A. *Mortuary Practices in Byzantium (c. 950–1453): An Archaeological Contribution*. Ph.D. dissertation. Centre for Byzantine and Modern Greek Studies, School of Antiquity, University of Birmingham. Birmingham, 1993.
66. Ivison E.A. Burial and Urbanism at Late Antique and Early Byzantine Corinth (c. AD 400–700). N. Christie, S.T. Loseby (Eds.), *Towns in Transition: Urban Evolution in Late Antiquity and the Early Middle Ages*, Aldershot, 1996, pp. 99–125.
67. Ivison E.A. ‘Supplied for the Journey to Heaven’: a Moment of West-East Cultural Exchange: Ceramic Chalices from Byzantine Graves. *Byzantine and Modern Greek Studies*, 2000, Vol. 24, pp. 147–193.
68. Kontogiannis N.D. Excavation of a 13th century Church near Vasiliti, Southern Messenia. *Hesperia*, 2008, Vol. 77, pp. 497–537.
69. Mackay T.S. More Byzantine and Frankish Pottery from Corinth. *Hesperia*, 1967, Vol. 36, pp. 249–320.
70. Makropoulou D. Concerning the Late-Byzantine Cemetery of Vlatadon Monastery. *Η Θεσσαλονίκη*, 1985, Vol. 1, pp. 255–309.
71. Makropoulou D. Grave Finds and Burial Practices in Thessaloniki (4th–15th centuries). E. Jeffreys (Ed.), *Proceedings of 21st International Congress of Byzantine Studies, London, 21–26 August 2006*. London, 2006, pp. 1–11.
72. Megaw A.H.S. Zeuxippus Ware. *Annual of the British School at Athens*, 1968, Vol. 63, pp. 67–88.
73. Megaw A. H. S. An Early Thirteenth Century Aegean Glazed War. G. Robertson, G. Henderson (Eds.), *Studies in Memory of David Talbot Rice*, Edinburgh, 1975, pp. 34–45.
74. Megaw A.H.S. Zeuxippus Ware Again. V. Déroche, J.-M. Spieser (Eds.), *Recherches sur la céramique Byzantine*, Athènes, Paris, 1989, pp. 259–266.
75. Megaw A.H.S., Jones R.E. Byzantine and Allied Pottery: a Contribution by Chemical Analysis to Problems of Origin and Distribution. *Annual of the British School at Athens*, 1983, Vol. 78, pp. 235–263.
76. Papanikola-Bakirtzi D. *Thessaloniki Workshop Production Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito*. Athens, 1999, 270 p.
77. Papanikola-Bakirtzis D., Maguire E.D., Maguire H. *Ceramic Art from Byzantine Serres*. Urbana, Chicago, 1992, 75 p.
78. Périn P. La tombe de Clovis. *Media in Francia ...Recueil de mélanges offert à Karl Ferdinand Werner*, Maulévrier, Hérault-Editions, 1989, pp. 363–379.
79. Périn P. Les tombes mérovingiennes de la basilique de saint-Denis. U. von Freedin, H. Friesinger, E. Wamers (Eds.), *Glaube, Kult und Herrschaft*, Bonn, 2009, pp. 173–183.
80. du Plat Taylor J. Medieval Graves in Cyprus. *Ars Islamica*, 1938, Vol. 5, pp. 55–86.
81. du Plat Taylor J., Megaw A.H.S. Cypriot Medieval Glazed Pottery-Notes for a Preliminary Classification. *Report of the Department of Antiquities, Cyprus*, 1939, pp. 1–13.

82. Preda C. *Callatis Necropola romano-bizantină*. București, Editura Academiei Republicii socialiste România, 1980, 226 p.
83. Popović I. Les nécropoles du Ve et VIe siècles. I. Popović, M. Kazanski, V. Ivanišević (Eds.), *Sirmium à l'époque des Grandes Migrations*, Leuven, Paris, Bristol, 2017, pp. 39–92.
84. Poulou-Papadimitriou N. Pottery of the Middle Byzantine Period and the First Centuries of the Venetian Occupation from Petras, Siteia. M. Tsipopoulou (Ed.), *Petras, Siteia. 25 Years of Excavations and Studies. Acts of a Two-day Conference Held at the Danish Institute at Athens, 9–10 October 2010*, Athens, 2012, pp. 315–323. (Monographs of the Danish Institute at Athens. Vol. 16).
85. Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J. Burial Practices in Byzantine Greece: Archaeological Evidence and Methodological Problems for its Interpretation. M. Salamon et al. (Eds.), *Roma, Constantinople and Newly-Converted Europe*, Kraków, 2012, pp. 377–428.
86. Pringle D. Thirteenth-century Pottery from the Monastery of St. Mary of Carmel. *Levant*, 1984, XVI, pp. 91–111.
87. Quast D. Völkerwanderungszeitliche Frauengräber aus Hippo Regius (Annaba/Bône) in Algerien. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*, 2005, Bd. 52, pp. 237–315.
88. Rice D.T., Jones A.H.M., Casson S. *Preliminary Report upon the Excavations Carried out in and Near the Hippodrome of Constantinople in 1927 on Behalf of the British Academy*. London, 1928, 54 p.
89. Rice D.T. *Byzantine Glazed Pottery*. Oxford, 1930, 120 p.
90. Sanders G.D.R. An Assemblage of Frankish Pottery at Corinth. *Hesperia*, 1988, Vol. 57, pp. 159–195.
91. Sanders G. Three Peloponnesian Churches and their Importance for the Chronology of the Late 13th and Early 14th Century Pottery in the Eastern Mediterranean. *Recherches sur la céramique Byzantine. Actes du colloque organisé par l'Ecole Française d'Athènes*, Athens, 1989, pp. 189–199.
92. Sanders G.D.R. Excavations at Sparta: The Roman Stoa, 1988–1991. Preliminary Report, Part 2. C. Medieval Pottery. *Annual of the British School at Athens*, 1993, Vol. 88, pp. 251–286.
93. Sodini J.-P. Les prolongements de l'urbanisme hellénistico-roman. *Le grand atlas de l'archéologie*, Paris, Encyclopaedia Universalis Publ., 1985, pp. 134–135.
94. Stern E.J. Excavation of the Courthouse Site at 'Akko: The Pottery of the Crusader and Ottoman Periods. *Atiqot*, 1997, XXXI, pp. 35–70.
95. Stern E.J. *'Akko I. The 1991–1998 Excavations. The Crusader-Period Pottery*. 2 vols. Jerusalem, 2012, 181 p. (IAA Reports 51).
96. Thompson J.A. *Death and Burial in the Latin East. A Study of the Crusader Cemetery at 'Atlit, Israel*. PhD Thesis, Cardiff University. Cardiff, 2006, 409 p.
97. Tzavella E. Burial and Urbanism in Athens (IVth–IXth c. AD.). *Journal of Roman Archaeology*, 2008, Vol. 21, pp. 352–368.
98. Vavyloupoulou-Charitonidou A. Céramique d'offrande trouvée dans des tombes Byzantines tardives de l'hippodrome de Thessalonique. V. Déroche, J.-M. Spieser (Eds.), *Recherches sur la céramique Byzantine*, Athènes, Paris, 1989, pp. 207–226.
99. Vionis A.K. *A Crusader, Ottoman and Early Modern Aegean Archaeology: Built Environment and Domestic Material Culture in the Medieval and Post-Medieval Cyclades, Greece (13th–20th Century AD)*. Leiden, 2012, 423 p.
100. Von Wartburg M.-L. Lemba Ware Reconsidered. *Report of the Department of Antiquities, Cyprus*, 1997, pp. 323–340.

- 101.Vroom J. Medieval and Post Medieval Pottery from a Site in Boeotia: a Case Study Example of Post-Classical Archaeology in Greece. *Annual of the British School at Athens*, 1998, Vol. 93, pp. 513–546.
- 102.Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide*. Utrecht, 2005, 223 p.
- 103.Waksman S.Y., Rossini I., Heitz C. Byzantine Pergamon: Characterization of the Ceramics Production Centre. S. Demirci, A.M. Özer, G.D. Summers (Eds.), *Archeometry 94, the Proceedings of the 29th International Symposium on Archaeometry*, Ankara, 1996, pp. 209–218.
- 104.Waksman S.Y., Spieser J.-M. Byzantine Ceramics Excavated in Pergamon: Archaeological Classification and Characterization of the Local and Imported Productions by PIXE and INAA Elemental Analysis, Mineralogy and Petrography. H. Maguire (Ed.), *Materials Analysis of Byzantine Pottery*, Washington, 1997, pp. 105–133.
- 105.Waksman S.Y., Francois V. Vers une redefinition typologique et analytique des ceramiques byzantines du type Zeuxippus Ware. *Bulletin de correspondance hellénique*, 2004–2005, pp. 87–182.

L. A. GOLOFAST, A. V. MASTYKOVA

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

ON A GLAZED BOWL IN THE CONTEXT OF FUNERAL RITE OF THE MEDIEVAL CHURCH TOMB IN GORZUBITAI

Abstract: The first account of the settlement in Gurzuf appeared in the mid-sixth century when Procopius of Caesarea in his treatise “The Buildings” addressing constructions undertaken by emperor Justinian I informed that two forts, Alouston and in Gorzubitai, were erected in Taurica. In 1951, A. L. Yakobson excavated the settlement in Gorzoubitai and uncovered the ruins of a single-apsidal church, above which there had been a later one. Yakobson dated the bottom church to the sixth and seventh centuries, perhaps partly to the eighth century, according to the pottery discovered, and the top church to the eleventh and tenth centuries. However, the new research of the monument in 2017 discovered, in the bottom church, a collective tomb containing a glazed bowl placed next to the uppermost person. This find allows one to revisit Yakobson’s dates of the church buildings. This paper supplies detailed characteristics of the glazed bowl, its attribution, chronology, and the circle of its parallels, suggesting the dating of the find to the middle or the third quarter of the thirteenth century. Importation of such pottery to the Crimea ceased by the late thirteenth century. The results obtained suggest the conclusion that the bottom church still existed in the thirteenth century, though the top church that covered the collective tomb was built in no earlier than the thirteenth century, plausibly later, according to a coin of khan Uzbek of the Golden Horde discovered near its western wall. The combination of features in the top burial, i. e. the placement of an open-type vessel and two vertical stones supporting the head of the dead, could be of Western European origin. If it was the case, it confirms the Crimean population’s connections to Greek territories which were taken by the “Latins” in the thirteenth century.

Keywords: Byzantium, Northern Black Sea Area, Late Byzantine period, glazed pottery, church buildings, funeral rite, Franks.

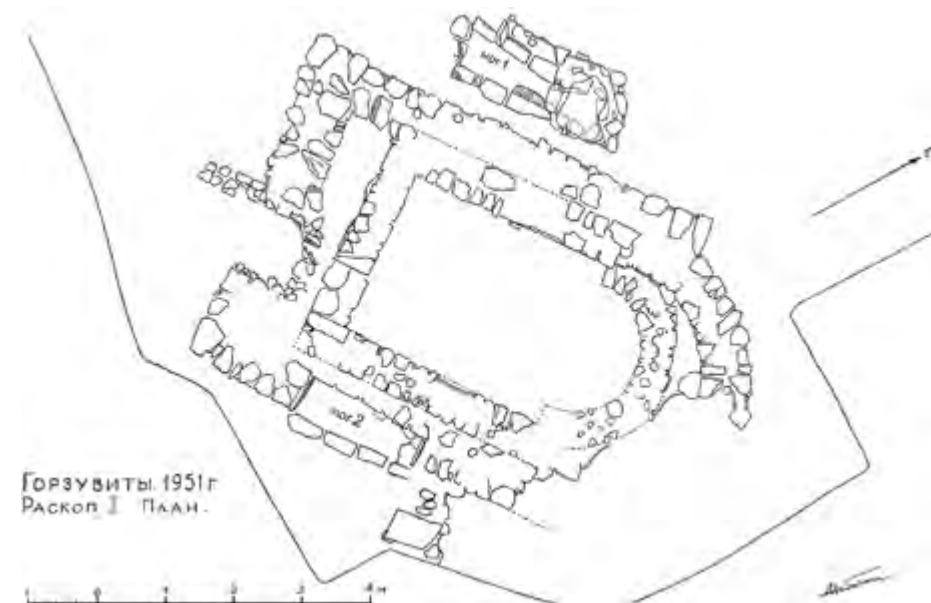

Рис. 1. Горзубиты-1951 г. Раскоп I. План храма [по: Якобсон, 1951а, рис. 6].

Рис. 2. Горзубиты-2017 г. Общий вид храма с восточной стороны.

Рис. 3. Горзувиты-2017 г. Плитовое перекрытие гробницы в храме, вид с северо-восточной стороны.

Рис. 4. Горзувиты-2017 г. Общий вид гробницы, открытой в храме, вид с южной стороны.

Рис. 5. Горзувиты-2017 г. Плита перекрытия гробницы с прочерченным изображением креста

Рис. 6. Горзувиты-2017 г. Расположение поливной чаши у северной стенки гробницы.

Рис. 7. Горзувиты-2017 г. Поливная чаша из гробницы, до реставрации.

Рис. 8. Горзувиты-2017 г. Поливная чаша из гробницы, после реставрации.

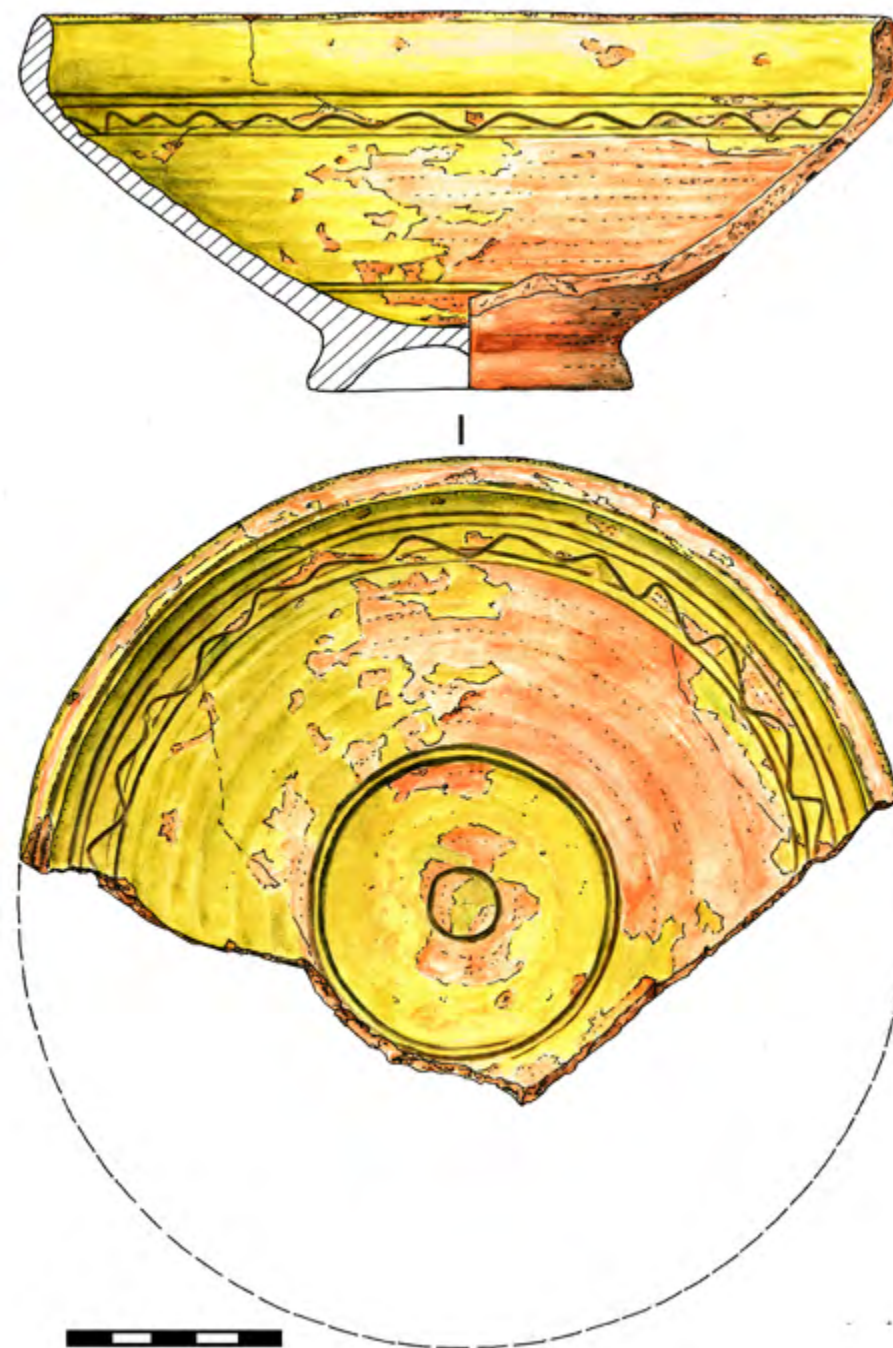

Рис. 9. Горзувиты-2017 г. Поливная чаша из гробницы. Рисунок С. Л. Богаченко.

Рис. 10. Горзувиты-2017 г. Граффити на дне поливной чаши из гробницы.

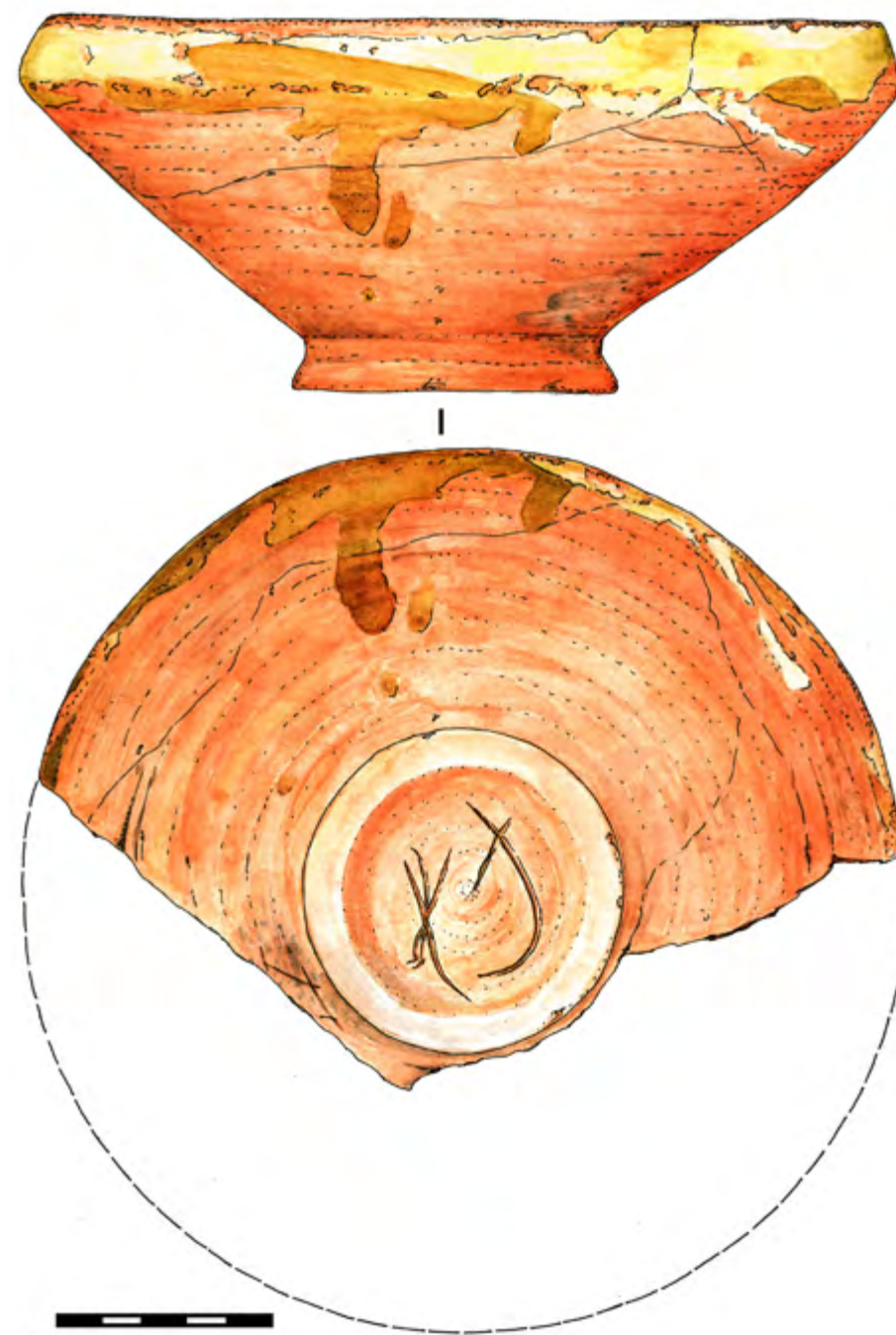

Рис. 11. Горзувиты-2017 г. Поливная чаша из гробницы. Рисунок С. Л. Богаченко.

Рис. 12. Горзувиты-2017 г. Поливная чаша из гробницы, после реставрации.

Рис. 13. Горзувиты-2017 г. Западная часть верхнего погребения в храмовой гробнице.